

Ирина Агапова

*12 моментов
грусти*

Книга 1. Июльское утро

Ирина Агапова

**12 моментов грусти.
Книга 1. Июльское утро**

«Издательские решения»

Агапова И. А.

12 моментов грусти. Книга 1. Июльское утро / И. А. Агапова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838387-8

Роман «12 моментов грусти» — это мой реквием по ушедшей навсегда эпохе. 20 век, СССР, как жилось, как любилось. Книги «Июльское утро» и «Есть имя у дождя» повествуют о подростках, школе, о таинствах первой любви, о целом мире чувств и эмоций, о самых красивых и поэтичных отношениях, о грусти, одиночестве и первых разочарованиях, о становлении характеров молодых людей и о разнообразных испытаниях, выпадающих им в судьбе. А также поднимают вопросы о морали, чести и нравственности.

ISBN 978-5-44-838387-8

© Агапова И. А.
© Издательские решения

Содержание

Пляж	9
Первое свидание	14
Томление	21
Чайные розы	26
Дача	29
Черный туннель	31
Дедушка	35
Кинжал	37
Танцы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

12 моментов грусти

Книга 1. Июльское утро

Ирина Александровна Агапова

Говорят, что любят один раз, а потом ищут похожих. Но иногда не хватает целой жизни, чтобы найти похожего...

© Ирина Александровна Агапова, 2019

ISBN 978-5-4483-8387-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Описанные в романе события и герои вымышлены, несмотря на то, что в них частично отражено то, что происходило в разное время в моей жизни. Но все же сходство с реальными людьми, совпадение фамилий и фактов их биографии прошу считать случайным и не расценивать как прямое указание на того или иного человека.

Наша жизнь – это длинная дорога. Мы прокладываем ее сами, начиная на рассвете и заканчивая на закате своих дней. И, как на любом пути, нам предстоит подъемы и спуски, движение и остановки, бесчисленные варианты и возможности, препятствия и трудности. Все это дано людям для того, чтобы, делая свой выбор и принимая решения, они могли расти, развиваться и двигаться вперед вместе со временем, отведенным им на этот путь длиною в жизнь. Что из всего этого использует сам человек и какой в конечном итоге получится его дорога – зависит от его собственных желаний и усилий, но в первую очередь – от стремления понять, почему и ради чего он ее строит, то есть ради чего он, собственно, живет.

В начале пути кажется, что все еще впереди, времени полно – иногда не знаешь, как его использовать и чем заполнить. И ты спешишь, подгоняешь, торопишь время, мечтаешь скорее повзрослеть.

Но потом в жизни неизбежно наступает такой момент, когда с высоты прожитых лет оглядываешься назад и можешь пролистать, словно книгу, свои как миг пролетевшие годы. Осознаешь, что времени на самом деле было не так уж много и что не все, что хотелось, ты успел сделать. И тогда начинаешь анализировать: правильно ли ты поступил в том или ином случае, верен ли был твой выбор? Однако если бы ты принял в тот момент другое решение, то сейчас это был бы не ты, а совсем другой человек, который мучился бы другими вопросами.

Многие люди ждут случая, который бы изменил их жизнь раз и навсегда, но он все никак не наступает, потому что они просто ждут и ничего не делают. На мой взгляд, именно поворотные моменты, как вспышки высокой мощности, ломают и переворачивают жизнь человека, направляют в новое русло, определяют его путь и кем он в итоге станет. У каждого из нас были такие моменты. Именно они являются наиболее яркими воспоминаниями, которые мы прокручиваем в памяти снова и снова, именно они становятся нашей автобиографией и историей. И мы будем помнить их всегда, до самой глубокой старости, и никогда не захотим с ними расстаться.

Я хотела бы сказать огромное спасибо всем людям, которые когда-либо были в моей жизни. Они встречались на моем пути не случайно, а для того, чтобы я могла делать выводы, двигаться вперед и исправлять свои ошибки. От каждого я взяла что-то хорошее или вынесла тот или иной жизненный опыт, чему-то научилась, даже пусть и через неправильно принятые

решения. Именно благодаря им я сейчас такая, какая есть. Многие из этих людей тоже изменились, и со временем наша пути разошлись, а некоторые полностью исчезли из поля зрения, потому что их роль в моей жизни уже сыграна.

Что человек знает лучше всего на свете? Что его интересует больше всего? Конечно, его собственная жизнь. Из года в год он пишет свою автобиографию, рассказывая о себе. Автобиографично абсолютно все: улыбка любимого, смех ребенка, яркость солнечных лучей, голубизна неба, запах цветущих деревьев, вкус дождя на губах, ветер, дующий с моря... Каждый соткан из мимолетных чувств, эмоций и ощущений, и я пишу эту историю через призму своего восприятия мира.

С годами ты замечаешь, как идет время, как оно бежит все быстрее: дни сменяются днями, иногда очень похожими один на другой, и ты все больше и больше начинаешь чувствовать вкус и осознавать ценность жизни, и так хочется наверстать упущенное, совершить что-то грандиозное и значимое, сказать нечто очень важное. Все чаще размышляешь об упущенном времени и утраченных возможностях.

Поэтому в один дождливый зимний день я взяла свой ноутбук, забралась на диван, укутавшись в плед, и решила не откладывать в долгий ящик то, что задумала. Я поняла, что если не сделаю это, то моя жизнь будет неполной. И меня все последующие годы будет преследовать чувство невыполненного долга перед самой собой, чувство, что я не до конца использовала все свои душевные и творческие возможности, не реализовала себя как человек и как личность.

Прежде всего я это делаю ради себя, а также ради других людей, которые любили, любят и будут любить.

Описанная в книге история могла произойти в любое время и в любом месте. Потому что она – о первой любви. Эти чувства чисты, полны надежд на будущее, и они будут наступать людей вечно. Первая любовь – самый яркий и бесценный, ни с чем не сравнимый опыт, самое начало жизненного пути каждого человека... Это первый урок, который будет запечатлен в нашей памяти на всю оставшуюся жизнь и будет сравниваться с последующими отношениями...

С чистого листа – во взрослую жизнь...

Казалось, лето 1975 года не несет собой ничего примечательного. Поначалу оно было самым обыкновенным: никаких изменений в жизни не намечалось и не предвиделось. Та же чередка долгих жарких дней, порой скучных и однообразных, когда время струится сквозь пальцы как вода. Можно спать, не ожидая звонка будильника, гулять, не зная забот и тревог. Да, это лето было очень похоже на все предыдущие, пока не наступило одно июльское утро...

А может, неожиданно подошло время, когда детство загадочным образом превращается во взрослость, все чувства и желания обостряются, все привычное в жизни приобретает совсем иной смысл.

Итак, эта история началась ранним июльским утром одного вроде бы ничем не примечательного дня.

КНИГА 1. ИЮЛЬСКОЕ УТРО ЛЕТО

Казалось, лето 1975 года не несет в себе ничего примечательного. Поначалу оно было самым обыкновенным: никаких изменений в жизни не намечалось и не предвиделось. Та же чередка долгих жарких дней, порой скучных и однообразных, когда время струится сквозь пальцы как вода. Можно спать, не ожидая звонка будильника, гулять, не зная забот и тревог. Да, это лето было очень похоже на все предыдущие, пока не наступило одно июльское утро...

А может, неожиданно подошло время, когда детство загадочным образом превращается во взрослость, все чувства и желания обостряются, все привычное в жизни приобретает совсем иной смысл.

Итак, эта история началась ранним июльским утром одного вроде бы ничем не примечательного дня.

Скука

Июль выдался знойным. Солнце нещадно палило и выжигало любые проявления активности. Казалось, время остановилось, и город застыл в безмолвной неподвижности. Даже птицы не пели, одурев от жары, и бабушки не сидели привычно на лавочках у подъездов. Лишь стрекотали кузнечики, забившиеся в опаленную траву. Асфальт плавился, а над ним плыло шевелящееся маслянистое марево. Ни малейшего дуновения ветерка...

Даже утром в квартире стояла безумная духота, но все же было лучше, чем на улице. Непрерывно работал вентилятор, впрочем, он не спасал положения, становилось немного легче только под холодным душем.

Яна изнывала от жары и скуки, слоняясь из угла в угол по квартире. Родители ушли на работу. Тоскливо, но тащиться к кому-то в гости нет смысла – все разъехались на каникулы. Да и куда идти в такую жару?

По телику ничего примечательного. Пробежалась взглядом по корешкам книг: самые интересные уже давно прочитаны. Да и читать, на самом деле, совсем не хотелось. Открыла крышку пианино, взяла несколько аккордов... Нет, ничего не идет.

Боже, как скучно! Яна внезапно поймала себя на мысли, что время летит невероятно быстро. Остался позади девятый класс, вот ей уже исполнилось шестнадцать. Еще чуть-чуть – и середина июля, а она так нигде и не была, ни с кем не повстречалась и не познакомилась.

В ней томилось какое-то смутное желание. Новые чувства и волнения переполняли, теснили грудь, задевая какие-то струны ее души. Внутри поднимался непонятный жар, заполняя сознание и вытесняя из него все мысли. Неожиданно теплая волна расплылась по всему телу и опустилась в низ живота. Прислушиваясь к своим ощущениям и не понимая, что с ней происходит, девушка только закрыла глаза, вздохнула и потеряла виски.

О, как ей хотелось общения, непрерывного движения, чего-то интересного! Она сама не понимала, чего хочет, но однозначно какого-то праздника: больших компаний, танцев, музыки...

В углу на тумбочке возле телевизора стояла ее любимая магнитофонная приставка «Нота-М». Включила музыку: ох, ужасное качество, сто раз переписанные записи группы «ДиП Пёрпл» и «Юрайя Хип». Перемотала бобину и поставила свою любимую песню «Июльское утро», которую обожала, знала наизусть и могла слушать до бесконечности, хотя не все понимала. Слов при таком качестве записи невозможно было разобрать, поэтому Яна пела ее просто на слух...

Покрутилась перед зеркалом, построила рожицы, сделала несколько танцевальных па. Осталась довольна...

В зеркале отразилась миниатюрная девочка с правильными чертами лица, чистой белоснежной кожей, тронутой легким загаром, яркими умными зелеными глазами и совершенно непокорными светло-рыжими кудрями.

«Скорее бы выходные, – подумала Яна. – Хочется поехать с родителями на дачу, позагорать, поплавать в реке. Там будут местные мальчишки, они наловят и сварят раков, вечером – костер, песни под гитару. Вероятно, кто-то из знакомых ребят приедет на моторке, можно будет покататься или поехать в плавни, набрать лилий и кувшинок».

Она мечтательно закрыла глаза: «М-м-м, как хочется к реке!..» Вот ее ровесники садятся на пароходик и отправляются на городской пляж, всего-то в десяти минутах езды. Там весело, там собираются шумные компании. «Но... – Яна вздохнула, – ...мама, мама не разрешает...»

Но все же можно ведь всего на пару часиков улизнуть из дома и вернуться к ее приходу? Кому бы позвонить? Одна-то она не поедет... Ох...

Точно, надо позвонить Светке Черкис, вот кто не откажет!

Светка Черкис жила в доме напротив и училась с Яной в одном классе. Её папа бороздил моря-океаны и привозил на продажу заграничные шмотки. Все соседи говорили, а некоторые и с завистью, что дом у них – полная чаша. Присутствовал весь набор дефицита: квартира утопала в коврах и хрустале, а в холодильнике всегда было полно всяких вкусностей.

Светкина мама очень любила Яну и всячески содействовала тому, чтобы девочки дружили. Она, частенько выговаривала дочери:

– Бери пример с подруги. Учится хорошо, не то что ты! – и с умилением и любовью смотрела на нее. – Интеллигентная семья! Все образованные. Вот держись рядом с Яной, может, и школу нормально закончишь, а там замуж... – И мечтательно закатывала глаза.

Светка без зазрения совести списывала у Яны домашние задания, поскольку объяснять ей материал было бесполезно, она никогда не вникала. Одноклассники незло называли ее Чучей и иногда над ней посмеивались. Но та вечно была на своей волне, поэтому не обращала на ухмылки никакого внимания и никогда не обижалась.

– Светка, собирайся, поедем на пляж! («Придется терпеть твоё общество», – мысленно усмехнулась Яна).

– Неужели тебя мама отпустила? – хихикнула та в ответ.

– Нет, мама не отпустила, но ты ведь не скажешь?

– Ой, нет конечно, я так рада, так жарко. Я не могу дома сидеть, хотела тебе позвонить, пригласить в гости, а ты сама... Сейчас соберусь и прибегу к тебе, – тараторила без остановки Светка.

«Ага, прибегу, ха-ха», – хмыкнула про себя Яна.

Светка была толстой и неповоротливой и вечно ползала как черепаха.

Пляж

Спуститься к реке было минутным делом. Речной трамвайчик пришел быстро и оцарапав борт, с хлопаньем причалил к старенькому дебаркадеру. Людей было мало и девочки без суеты поднялись по трапу. Через несколько минут матрос убрал швартовые канаты и, пыхтя мотором, кораблик отплыл от застывшего в зное города. Подружки уселись на верхней палубе. Легкий ветерок заиграл в волосах и приятно освежал разгоряченные лица. Светка прикрыла глаза от яркого солнца, а Яна смотрела на воду и любовалась белыми барашками волн, выползавшими из-под киля корабля. С какой-то замороженной радостью девушка наблюдала, как река играет и искрится за бортом, как проплывают мимо дома, деревья и портовые краны. Вот уже виден причал городского пляжа и от нетерпения она считала каждую минуту, скорей бы окунуться в воду.

На маленьком обустроенном отрезке береговой линии обитало не так много людей, в основном молодежь. Смех, беготня, брызги, весело, интересно и немного тревожно... Иногда происходили всякие стычки или драки между подростками, мальчишки приставали к девочкам, хулиганили. Яна старалась обходить шумные незнакомые компании – опасалась, что не сможет постоять за себя, растеряется от грубости и, чего доброго, начнет плакать. Она казалась себе слишком стеснительной и неуверенной и пыталась изо всех сил скрыть это.

Яна бегом спустилась по трапу парходика и с нетерпением ждала Светку, которая, держась за поручни, спускалась медленно, как маленькая старушка.

– Ну Чуча, точно Чуча, – посмеялась она. Сняв босоножки, нетерпеливо побежала к реке – скорее остудить разгоряченные ноги. Как приятно пройтись босой по кромке воды, чувствуя прохладный песок и набегающие на берег волны! Шла не оглядываясь – Чуча догонит. А сама искала глазами знакомых, может, кто-то из школы или из музыкалки, или танцевальной студии, или просто соседские ребята.

«Никого. Вот невезуха! Неужели так и буду с этой толстухой все время?»

Оглядевшись, Яна нашла свободный тент, бросила там сумку и босоножки, сняла сарафанчик и побежала к реке. С разбегу бросилась в прохладную воду, ощущая, как освежается разгоряченная от жары кожа, и с наслаждением поплыла, жмурясь от удовольствия...

Как хорошо, какая же она умница, что вырвалась из этой душной квартиры!

Поплавав и поплескавшись несколько минут, она вдруг услышала крики и смех. Обернувшись в направлении шума, Яна увидела на берегу Чучу, окруженную несколькими подвыпившими подростками, которые своим поведением и видом напоминали шайку разгулявшейся шантрапы. Пацаны были одеты, кто во что горазд, а скорее всего, просто полураздеты. Бутылка дешевого портвейна ходила по кругу, каждый отпивал из нее и передавал другому. Очевидно, они уже успели нахлебаться спиртного, и их тянуло на «подвиги». Выискав себе подходящую жертву, они решили таким образом развлечься, прицепившись к беззащитной толстухе. Разошедшиеся не на шутку хулиганы, пихали Светку друг к другу, обсыпали песком и злобно смеялись. Вдруг один из них метнул сигарету в сторону Чучи, но промахнулся. Другие, кривляясь и юродствуя, последовали его примеру, и некоторые окурки попали в цель.

От этой ужасной картины у Яны все похолодело внутри, сердце бешено заколотилось. Не успев ни о чем подумать, она выскочила из воды и кинулась к Светкиным обидчикам.

Чуча отбивалась как могла, но не плакала. Яна успела вовремя. Мальчишки сбили Светку с ног, та упала на четвереньки, и теперь они просто явно издевались над ней...

Один из пацанов, долговязый несуразно угловатый с облезлым от солнечного ожога носом, достал складной перочинный нож и наклонился к Светке.

– А давайте порежем ей купальник! Он для нее слишком мал, – прогнусавил наглец ей прямо в лицо.

– Да. И освободим ее толстые сиськи, – с гоготом поддержал другой с идиотским скомо-рошым оскалом на лице.

Светка побагровела от услышанного и, вздрогнув всем своим мощным телом, поднялась с четверенок на колени. Вся взъерошенная и напуганная, застывшая в скорбной позе, толстушка в отчаянии возопила, что есть мочи:

– Отцепитесь, отстаньте, пошли вон!!!

– Оставьте ее в покое! – в унисон ей крикнула Яна на бегу и сама испугалась своего сорвавшегося голоса.

Хулиган с ножиком обернулся:

– Это кто там еще пищит?! – И замер, не ожидая увидеть столь хрупкую девушку, выбежавшую на берег. Бесстыжий взгляд прищуренных глаз остановился на лице, опустился ниже и стал медленно ощупывать ее стройную фигуру, замороженно следя за струйками воды, стекавшими по загорелому телу. – О, хорошенькая! Давай к нам, мы тебя не тронем, – он цыкнул зубом, еще раз смерил ее с ног до головы оценивающим взглядом, сморщил облупившийся нос и облизал языком спекшиеся губы.

Яну передернуло от отвращения. Пытаясь преодолеть страх, все же расправила плечи, хотя ее била нервная дрожь, гордо вскинула подбородок и, с трудом выдерживая его наглый взгляд, как можно уверенней произнесла:

– Отпустите ее немедленно, как вам не стыдно?!

Пацаны дружно заржали, но потеряли интерес к Чуче.

Яна попятилась...

– Что? Боишься? – долговязый, поднял ножик на уровень глаз, с прищуром посмотрел на лезвие, потом демонстративно сложил его и медленно убрал в задний карман спортивных штанов. В ту же секунду, он неожиданно сделал выпад в ее сторону и схватил за плечо.

На мгновение Яна внутренне обомлела, но затем инстинктивно отшатнулась и попятилась назад. Долговязый не отступал, за ним последовали и все остальные, загоняя ее к воде.

Вдруг из-за спины она услышала строгий, но очень приятный мужской голос:

– Оставьте ее! – И властно: – Быстро!

Затем голос Юрки Трошина:

– Ребята, кончайте! Броня, слышь? Это моя одноклассница.

Хулиганы расступились и подошли к Юре и незнакомцу. Тот им еще что-то сказал, и пацаны как-то незаметно растворились.

Яна кинулась к Чуче, начала отряхивать ее от песка.

– Ну как ты, Светка?

Толстушка шмыгнула носом:

– В порядке! Спасибо, Яся! Вот козлы!

Подружки направились к реке.

– Светка, ты тут помойся, хорошо? Ты, главное, не расстраивайся! Обсохнем немного – и домой, пока эти придурки не вернулись.

Выходя из воды, Яна с опаской огляделась по сторонам: на всякий случай, если хулиганы все еще ждут их поблизости? И вдруг увидела ЕГО...

Только сейчас она обратила внимание на незнакомца, обладателя того самого властного голоса. Высокий, загорелый парень с хорошо накаченной грудью и плоским, в кубиках, животом стоял вместе с ее одноклассниками – Сережей и Юрой. Ребята рядом с ним смотрелись маленькими и шуплыми. Незнакомец казался значительно старше ее сверстников. Под мышкой он держал транзистор «Спидола», из которого доносилась еле слышная трескучая музыка. Яну поразили его необыкновенные, пронзительно-голубые глаза. Густые светлые волосы спускались до плеч, с лица не сходила белозубая улыбка, держался он уверенно и непринужденно.

Не найдя в себе сил отвести от него глаз, она так и застыла на месте.

Юноша также неотрывно смотрел на нее. Несколько шагов отделяли их друг от друга.

Яна почувствовала, как лицо заливают жгучая волна смущения. Первая опустила глаза. Под его взглядом она ощутила себя обнаженной. Замешкавшись, сделала резкий шаг влево, пытаясь обойти незнакомца, и уже почти прошла мимо, как ее окликнул Юра Трошин:

– Яся, ты можешь подойти?

Она обернулась и замерла в недоумении, почему-то не в силах сделать хотя бы шаг.

Парень был ослепительно красив. Еще несколько секунд он пронизывал ее внимательным взглядом, словно изучал или хотел запомнить. И вдруг направился к ней...

– Меня зовут Роберт, – просто сказал он. – А тебя – Яся, я уже знаю.

– Я...О.. очень приятно, – выдохнула она. – Ясей называют меня только близкие друзья, – добавила, сама не зная почему.

– Значит, будем близкими... Можно тебя на минуточку? – вежливо спросил он и отвел ее чуть в сторону, чтобы никто не мог слышать. – Ты здесь с подружкой?

– Она мне не подруга, просто одноклассница, – Яна внезапно застеснялась Чучи.

– Ты смелая девочка, – мягкие нотки его бархатистого голоса словно пронзали ее насквозь.

– Все нет, просто у меня не было времени подумать, – сконфуженно промямлила Яна, ненавидя себя за свое смущение.

– Ах, значит, смелые поступки ты совершаешь не подумав? Интересно... – с легкой ухмылкой он смотрел на нее, прищурив глаз. – Что ты еще делаешь не подумав?

Вторая волна смущения окатила Яну. Девушка снова покраснела и опустила голову.

«Он смеется надо мной», – пронеслась мысль.

– Извини, я должна ехать домой, мама будет волноваться, – еле слышно произнесла она, почти не разжимая губ.

– Мама не знает, что ты здесь? Так ты сбежала из дома? – его глаза уже открыто смеялись...

«Он явно издевается», – с досадой подумала Яна, не в силах скрыть растерянность. Кровь хлынула к щекам, придав ее лицу совершенно беспомощное выражение.

– Ты покраснела? Значит, правда, – он, конечно, увидел ее замешательство. – Ну я же шучу, девочка! Улыбнись! Я хочу всего лишь тебя рассмешить. Или... удержать еще несколько минут. Хочешь сегодня встретиться со мной?

От неожиданности она обомлела и не знала что ответить.

Первая мысль: «Надо бы отказаться!»

Вторая мысль: «Знакомства на пляже мне не к лицу!»

Третья мысль, отчаянная: «Но разве можно ему отказать? Это же нереально...»

Дальше мысли совсем запутались.

Ну... я... я не знаю... Сегодня? – сказала просто, чтобы протянуть время.

– Да, сегодня, часиков в восемь тебя устроит? – он внимательно и несколько напряженно наблюдал за ней.

В груди стало мало воздуха, и Яна, выдыхая, вдруг быстро и неожиданно для себя выпалила:

– Нет, в восемь не могу... Но в шесть – да, смогу!

– В шесть так в шесть, – с облегчением вздохнул он. – Где тебе удобно?

– Я не знаю, не знаю... – Тут она вообще растерялась. Ведь у нее никогда не было свиданий с парнями. Мальчишки, ее одноклассники, всегда заходили за ней. – Ну... На Пушкинской, возле центральной аптеки, знаешь? – Яна произнесла первое, что пришло на ум. Это место ей было хорошо знакомо. В эту аптеку они часто заходили с бабушкой, когда он забирал ее из музыкальной школы.

– Можно я уточню? – спросил Роберт. – Дело в том, что я только приехал в ваш город. Я еще не все знаю. Всего лишь три месяца здесь живу.

Яна украдкой любовалась великолепной гладкой загорелой кожей и мощным торсом парня. Властная сила, исходящая от него, словно поработала ее, наполняя непонятным волнением и тревогой. Она почувствовала, как мурашки побежали по спине, и поспешно отвела взгляд, боясь попасть в плен его обаяния.

– ...Я правильно понял? – как будто издали донеслось до Яны. – Насколько мне известно, это аптека напротив театра? На Пушкинской есть еще две.

До нее не сразу дошел смысл вопроса, она просто упивалась звучанием его голоса. Словхватившись, встряхнула головой и, слегка замявшись, ответила:

– Да, ты все правильно понял, – нервничая, она покусывала нижнюю губу. – А откуда приехал? – все же решилась спросить она.

– Из Новосибирска, – улыбнулся парень. – Так сегодня в шесть? Я буду ждать, – и в глазах его вспыхнули радостные огоньки.

– Пока, – выдохнула Яна, теряясь от жуткого волнения. Преодолевая дрожь в коленках, она направилась к Чуче, которая следила за каждым ее движением издали, не решаясь подойти.

– Кто это? Какой красавчик! Ты его знаешь? Что он хотел? – толстушка не скрывала своего восхищения.

– Свет, ну чего ты пристала? Собирайся, мы уезжаем, – Яна быстро одевалась. – Пропустим паром, давай шевелись.

Ее новый знакомый стоял на том же месте, где она его оставила, и по-прежнему внимательно наблюдал за ней. От этого взгляда все валилось из рук. Движения стали неуклюжими, особенно когда надевала сарафан, тряслись руки и сердце почему-то бешено колотилось...

Светка тем временем тоже оделась, и девочки быстро направились к причалу.

Пробегая мимо Роберта, Яна еще раз попрощалась с ним:

– Пока!

Он ответил:

– В шесть буду ждать! – и повернул голову ей вслед, провожая ее взглядом..

Светка просто обалдела:

– Боже, Яська, это что, свидание??? О боже, вот это да!

– Так, если ты кому-то скажешь, я тебя просто убью и не буду с тобой разговаривать, поняла? – пригрозила ей Яна.

Толстушка, закатив глаза, засмеялась:

– Сначала убьешь, а потом не будешь разговаривать, или наоборот? Ну что ты, никому вообще, могила... Клянусь.

Когда подружки подошли к причалу, речной трамвайчик отдавал свой последний гудок и готовился к отплытию. Народ толпился на верхней палубе, и сидячих мест уже не было, а вниз спускаться не хотелось – душно. Пришлось стоять. Кораблик тронулся и поплыл в направлении города.

И вдруг кто-то дотронулся до ее плеча. Яна вздрогнула.

– Девчонка, повернись ко мне лицом, я не могу смотреть на твою голую спину.

Янины щеки снова мгновенно стали пунцово-красными. Она повернулась к Роберту, не смея поднять голову.

Парень прикоснулся к ее подбородку очень осторожно, как к чему-то драгоценному и хрупкому, приподнял лицо и посмотрел прямо в глаза:

– Не прячь глаза, Яна, – произнес он, не отрывая от нее взгляд, – они у тебя цвета моря и я не могу насмотреться в них. – При этом лицо его приняло выражение невыразимой нежности.

Девичье сердце пропустило удар и упало куда-то вниз, ноги стали ватными, она пошатнулась. Он подхватил ее за локоть, и очень вовремя.

– Качает, – в смущении опустила глаза, пытаясь улыбнуться. На нее еще никто и никогда так не смотрел и не говорил с ней так проникновенно. Потом все же решилась спросить: – Как ты успел? Катер уже отходил.

– Я сильно старался, – улыбнулся Роберт, продолжая рассматривать ее с явным интересом. – Сколько тебе лет?

– Мне только исполнилось шестнадцать, – девушка по-прежнему испытывала стеснение и неловкость.

– Я так и предполагал. Но боялся, что ты младше, – задумчиво произнес он.

Яне, в свою очередь, очень хотелось узнать его возраст. И только собиралась спросить, как он сказал сам:

– Мне в апреле стукнуло девятнадцать.

Верхняя палуба была переполнена, и им пришлось стоять очень близко друг к другу. Роберт бережно поддерживал Яну под локоть, почти не прикасаясь, ограждая от толпы и следил, чтобы ее никто случайно не задел.

Парень был высоким и крепким, и Яна ощущала себя маленькой девочкой рядом с ним. С отцом она тоже всегда казалась себе маленькой, но новое чувство было каким-то совсем другим, особенным, непонятным и очень-очень приятным.

Время остановилось. Хотелось, чтобы этот кораблик плыл к пристани бесконечно долго. Светка несколько раз пыталась прорваться сквозь толпу к Яне, но катерок качало, и толстуха, боясь упасть, вынуждена была каждый раз цепляться за поручень. Ей оставалось только с любопытством наблюдать за ними.

Яна обратила внимание на удивленные глаза ее одноклассников, Юры и Сережи. Они будто видели ее впервые.

Кораблик пристал к пристани, и новые знакомые вместе с толпой сошли на берег.

– Я провожу? – спросил разрешения Роберт.

– Нет, не надо, – поспешно ответила девушка. – Вот мой двор. Я живу вон там, – и показала рукой в сторону своего дома.

Роберт внимательно проследил за ее движением.

– Хорошо, я жду тебя в шесть.

Яна побежала к дому. Ей хотелось как можно быстрее отделаться от ковылявшей за ней Чучи.

– Яна, ну подожди ты, не так быстро, я за тобой не успеваю.

– Света, мне надо успеть, пока мама не пришла, она сразу поймет, что я была на пляже. Меня накажут, ты же знаешь, никуда не отпустят, – двигаясь быстрым шагом, на ходу объясняла подруге Яна.

– У тебя каникулы, за что тебя наказывать? А почему ты не хотела, чтобы Роберт тебя проводил к дому? – сыпала вопросами Светка.

– Вот ты глупая, а если бы мы столкнулись с бабушкой у подъезда? – Яну раздражала Светкина несообразительность. Бабушка с дедушкой жили в соседнем дворе. – Свет, я скажу маме, что мы с тобой вечером идем гулять и потом в кафе кушать мороженое? Не сдашь?

– Ну когда я тебя сдавала? – совершенно искренне удивилась Чуча.

«Да постоянно, по своей глупости», – хмыкнула про себя Яна. А вслух сказала: – Спасибо, Свет. Пока!

Первое свидание

Что надеть? Как накраситься? Как улизнуть из дома? Или все же сказать правду?!

Мысли пролетали с бешеной скоростью. Яна посмотрела на часы: уже почти пять.

– Боже, я ничего не успею, а главное, не знаю, что же мне надеть... – в отчаянии вздохнула Яна. Она была в панике, на грани истерики.

Вдруг она услышала, как открывается входная дверь. Мама вернулась с работы раньше.

– Яночка, ты дома?

– Мамочка, мама, у меня сегодня свидание с парнем, который мне безумно понравился, – в порыве девушка кинулась к ней.

– Когда у тебя свидание, во сколько? – с нежностью смотря на дочь, спросила мама. – А что за мальчик? Из твоей школы?

Упс... Вот и прокололась, теперь сама не знает, что ответить. Как сказать, что он ее старше на три года? Ага. Теперь только правду...

– Нет, мам, он не из моей школы, он только три месяца назад приехал из Новосибирска...

– Вот как? – удивилась мать. – А когда же ты с ним успела познакомиться? – и внимательно смерила ее взглядом.

Яна закусила губу... Вот черт!

– На пляже, мама, за мной зашли ребята из класса, и Чуча была, ну, в общем, я на два часика всего съездила...

– Почему ты мне не позвонила, не предупредила? – Женщина напустила на себя строгий вид, но Яна поняла, что она не сердится, и с улыбкой обняла ее.

– Мам, у меня совсем мало времени, что мне надеть?

– Например, сиреневое платье в разводах, оно тебе очень идет, и белые босоножки на платформе.

Платье действительно сидело отлично, коротенькая юбочка подчеркивала стройные ноги. Яна наложила сиреневые тени, которые оттенили ее зеленые глаза, и подкрасила ресницы. Губы она не красила.

Мама вообще-то не разрешала ей пользоваться косметикой, но ради такого случая промолчала.

– Ты хорошо выглядишь, доченька! Самая красивая, не волнуйся, главное, держись уверенно и не подавай виду, что он тебе нравится... – и улыбнулась, любуясь дочкой. – Как мальчика зовут?

– Роберт, – с восхищением выдохнула та. – Такое красивое имя, и он тоже такой красивый, мам, даже красивее Олега Видова! И такой вежливый и галантный...

– Надо же, – мама засмеялась. – Скажи этому артисту, что в следующий раз он должен прийти за тобой и попросить разрешения у родителей, чтобы тебя отпустили к нему на свидание, иначе ты никуда не пойдешь. И сегодня чтобы не позже девяти была дома! – строго добавила она.

– Ма, ну все девчонки гуляют позже, – взмолилась Яна.

– Ты не все! – оборвала ее мать. – Где вы встречаетесь?

– На Пушкинской, возле аптеки, что напротив театра.

– Гуляйте по Пушкинской, в парк с ним не ходи. Будьте только в людных местах. Ты меня поняла? – напутствовала мама. – И пока я его сама не увижу...

Яна выскочила за дверь, испугавшись, что ее могут вдруг не отпустить. Пока бежала к площади, думала, проехать ли одну остановку на троллейбусе или идти пешком. Все же решила пройтись. Она представила себе, как всякие там тетки с осуждением будут пялиться на ее короткую юбку, и от этой неприглядной картины ей стало не по себе.

Солнце еще не село, утомленный зноем город не успел остыть, днем температура зашкаливала за тридцать пять, и от асфальта тянуло жаром. Яна вспотела от жары и от того, что почти бежала. Приостановилась, стараясь успокоиться и идти умеренным шагом, но ничего не могла с собой поделать. Сердце бешено колотилось, и ноги сами несли ее вперед. Кроме всего, она опаздывала.

Пробежав половину пути, Яна встретила своего одноклассника Сашу Погодина. Парень явно направлялся к ней.

– Привет, Яна, идешь на свидание?

У нее округлились глаза.

– Откуда ты знаешь? С чего ты взял?

Саша рассмеялся:

– Тебя Робин ждет возле центральной аптеки на Пушкинской. Он меня отправил к тебе навстречу, побоялся, что ты можешь заблудиться!

– Кто-кто направил? Робин?

– Это у него кликуха такая. Робин Гуд, – смеялся Сашка.

– Почему его так зовут, он что, защитник бедных? – Яна улыбнулась в ответ. Ее безумно интересовало все, что касалось Роберта. Она вцепилась в Сашкин локоть, и он потащил ее в горку, помогая бежать.

– Нет, просто его фамилия Гудковский. Роберт Гудковский. Вот его и прозвали Робин Гуд... Ха-ха, надо же, его родители постарались, – и парень гоготнул в голос. – Я тебя проведу до поворота, а там Юра встретит. Робин Гуд расставил посты, – он продолжал смеяться, заражая Яну своим безудержным весельем, и она невольно начала хихихать вместе с ним. – Лады, бывай, до скорого. А он классный парень, тебе повезло...

«Повезло? Мне? Мой парень... Неужели это со мной?» – Яна удивлялась своим мыслям.

Незаметно повернула на Пушкинскую – центральную и старейшую улицу города, излюбленное место гуляний у горожан.

Улица была очень уютной и зеленой и предназначалась только для пешеходов. Некогда она была покрыта булыжной мостовой. Потом ее превратили в бульвар и замостили плитами, оставив старинные камни только в центральной части. Многие из домов здесь считались архитектурными памятниками, их первые этажи были почти все отданы под кафе и магазины. В это время Пушкинская была достаточно оживленной. Рабочий день закончился, и утомленные жарой люди сновали мимо витрин, отражаясь в них и стараясь найти тень под кронами деревьев, чтобы скрыться от еще палящего, хоть и катившегося к закату солнца. По обе стороны аллеи были посажены деревья и разбиты клумбы с чайными розами, рядом стояли скамейки, на которых отдыхали горожане после рабочего дня. Возле киосков «Мороженое» и автоматов с газированной водой стояли очереди.

Девушка спешила на свое первое свидание, и ей казалось, что все это происходит не с ней, что она лишь сторонний наблюдатель. Оглядев знакомую до боли улицу, залитую солнечным светом, спешащих по своим делам людей, цветы и деревья, детей, кормящих голубей, подумала, что все вроде как всегда и в то же время что-то изменилось. Она не понимала, что происходит с ней, но счастье, радость, любовь ко всему миру переполняли ее. И это состояние внутреннего восторга давало ощущение пробуждения от долгого сна. Ее восприятие изменилось, чувства обострились, все краски стали ярче, душа ликовала, и время бежало быстрее... В ее мире появился ОН. И от этой мысли ей стало так хорошо и радостно! Она шла по обычной аллее, обычным своим маршрутом, чувствуя на себе любопытные взгляды обычных людей, и улыбалась.

Навстречу шел Юра Трошин.

– Привет, Янчик, я тебя жду. Велено проводить к Робину. – Он смерил ее с ног до головы оценивающим взглядом. – Хорошо выглядишь, подружка, – и подмигнул.

Яна фыркнула, состроила ему рожицу и показала язык.

– Привет, провожатый! Вы что, Робин Гуд и его команда? С чего это вдруг он вами распоряжается?

– Ну, он попросил, – просто ответил Юра.

– Я знала, что ты меня ждешь, Саша Погодин уже успел предупредить, что Робин стрелки расставил... – с легкой иронией хмыкнула Яна.

– Я тебя проведу немного, до ювелирного магазина, и пойду, хорошо? – Юрка смотрел на Яну как преданный пес.

– Ну конечно, мне тоже нескучно будет. Расскажи, что ты знаешь о Роберте?

Юрка задумался на секунду:

– Что-то ничего конкретного не могу вспомнить. Знаю только, что он не местный, живет всего три месяца в нашем городе и приехал откуда-то с севера.

Яне это и без него было известно.

– Он спортсмен, – продолжал Юра. – Но каким видом спорта занимался раньше, не знаю, а сейчас боксом. Говорят, он здорово дерется. А еще не курит и совсем не пьет, даже пиво... Представляешь? – Юрка произнес это с восторгом.

Большая часть ее одноклассников курили и любили «ударить по пивку» – так они между собой говорили. Яна терпеть не могла, когда от парней пахло алкоголем и сигаретами. Поэтому новость о том, что Роберт не имеет дурных привычек, несомненно, пришлась ей по душе.

– А где он живет, в каком районе? Ты знаешь?

– Нет, не знаю, – Юрка пожал плечами. – Ну вот... Ты почти на месте... Увидимся, приезжай на пляж.

– Да, увидимся, – кивнула Яна и, глубоко вздохнув, замедлила шаг, стараясь успокоить дыхание и сердцебиение. Ей хотелось выглядеть непринужденной и естественной. Но от волнения непрестанно ныло под ложечкой.

Она подходила к центральной аптеке. Это было старинное здание уникальной постройки. Особенно привлекала внимание ажурная чугунная лестница при входе. На фасаде имелась мемориальная доска с надписью: «Аптека №5 открыта в 1828 году». Они с дедушкой очень любили это место и часто заходили сюда даже без надобности. Им очень нравилось внутреннее убранство: старинная мебель и аптечная утварь, установленные на шкафах скульптуры, пришедшие как бы из глубокого прошлого: одна олицетворяла фармацевта, другая – богиню чистоты.

Разные мысли, словно стайка испуганных птиц, пронеслись у Яны в голове. Девушка шла вдоль тенистой аллеи, где цвели чайные розы. Город благоухал и утопал в цветах.

Издалека она увидела Роберта и вздрогнула, будто бы и не ожидала увидеть. Но скорее всего, он заметил ее первым и так же внимательно, оценивающе смотрел на нее, как тогда на пляже. Под его взглядом девушка опять потерялась и смутилась.

Легкой и быстрой походкой он шел навстречу, вид имел уверенный, держался прямо и непринужденно. Темно-синие облегающие джинсы и красная футболка в обтяжку подчеркивали его стройную, спортивную фигуру. Загар очень шел Роберту, оттенял светлые развевающиеся волосы и яркие выразительные глаза. Яна невольно залюбовалась им... Он явно выделялся из толпы. О боже! А эта неизменная чарующая улыбка! У нее затряслись руки.

– Привет, Яся! Я тебя уже здесь полчаса жду, – он не скрывал радости, как будто до этого сомневался, что она придет.

– Привет! Почему полчаса? Ведь сейчас только начало седьмого, – удивилась Яна.

– Ну... я пришел заранее, я не совсем хорошо знаю город. Думал, может, и ты не знаешь. Вдруг ты бы подошла раньше и ждала меня...

Яна в ответ изумленно подняла брови:

– Ты моих одноклассников на службу принял, Робин Гуд?

– О-о-о, я вижу, что тебе сообщили, как меня здесь прозвали, – улыбка не сходила с его лица. – А я про тебя уже все знаю...

– Что же ты знаешь? – опешила Яна.

– Тебе интересно? (Яна кивнула.) Ты единственная дочка, у тебя состоятельная семья.

«Состоятельная семья? – про себя удивилась девушка. – Никогда об этом даже не задумывалась...»

– Твоя фамилия Росина. Твой дедушка – директор самого большого завода в городе. Павел Романович Вербицкий... – продолжал Роберт.

– Замдиректора, – поправила она.

– Ну замдиректора, – согласился молодой человек. – Мама – профессор, очень строгая, папа никогда не вмешивается в твои дела. А вот бабушка тебе вообще житья не дает...

Ей стало неловко, и снова горячий румянец покрыл щеки. Это была абсолютная правда. Бабушка донимала Яну с утра до вечера. Своим незыблемым оком отслеживала каждый ее шаг, а потом докладывала все маме. Ну и картинку он о ней сложил. Ага. Ох, ну просто маленькая девочка, да и только, под опекой многочисленных родственников.

– Ты хорошо учишься, – продолжал Роберт, словно не замечая ее замешательства, – окончила музыкальную школу, прекрасно поешь и танцуешь... Кстати! С мальчиками не гуляешь и вообще не гуляешь, – тут он повернулся и озорно посмотрел на Яну. – Тебе все время некогда. Твои одноклассники были удивлены, увидев тебя на пляже. У меня такой девочки никогда не было, я смущен...

– Да. Полная картина, – только и могла вымолвить она.

– Ну ничего, – как бы сам себе успокаивающе пробормотал Роберт... – Прорвемся, – и вздохнул.

– Да, мои одноклассники постарались на славу, все разболтали... Составили досье, как на шпионку. У них просто недержание, – возмущенно фыркнула Яна. Конечно, ей не хотелось, чтобы Роберт знал все подробности о ее семье, особенно в части чрезвычайной опеки, но и в то же время льстило, что он так заинтересовался.

– Зато о тебе ничего неизвестно! – выпалила Яна. – Загадочный мистер Икс.

– Спрашивай! Что ты хочешь знать? На самом деле ничего интересного, правда.

Они медленно шли по Пушкинской к парку.

– С кем ты приехал? Почему перебрался? Чем ты занимаешься? Нравится ли тебе у нас? – вопросы сыпались один за другим.

– О-о-о, стоп-стоп-стоп. Ты хочешь получить ответы или будешь только спрашивать? – смеялся Роберт. – Лучше скажи: куда мы идем? Или куда пойдём?

Она не знала... и растерялась, ведь гулять она ходила только с подружками. Этой дорогой они шли обычно в кафе «Снежинка» – излюбленное место встречи «центральной» молодежи, где в основном крутились одни и те же лица. Если надо было кого-то встретить, передать что-то или просто провести время – шли туда. На пяточке возле «Снежинки» все друг друга знали, можно сказать, с детства. Тут собирались шумные компании, люди смеялись, веселились, дурачились, назначали свидания. Кафе примыкало к парку и являлось конечным пунктом после променада по Пушкинской. Там девчонки обычно останавливались, покупали мороженое и молочный коктейль. Иногда шли через парк к центральному кинотеатру, чтобы посмотреть фильм.

– Я... я не знаю, может, в кафе или кино? – уже в который раз за день растерялась Яна.

Роберт подумал:

– Нет, давай сегодня просто погуляем...

Ей очень хотелось узнать о нем хоть что-то:

– Ну, ты не ответил ни на один мой вопрос, я по-прежнему ничего о тебе не знаю.

– Хм, – Роберт помолчал. – Ну правда ничего интересного.

– Все же расскажи что-нибудь, расскажи! – И скорчила такую рожицу, что он рассмеялся.
– Хорошо. Я переехал с родителями. Почему? Да там холодно! Снег, пурга. А здесь тепло, солнце, речка, девочки красивые, мне очень нравится, честно! – И усмехнувшись, повернулся к ней.

Яна поняла, что он просто шутит, и, состроив недовольную мину, отвернулась.

– Ну ладно, – заметив это, Роберт стал немного серьезнее. – У меня есть еще два старших брата. Самый старший из них остался в Новосибирске, у него уже семья. А средний приехал с нами. Он очень красивый. Он лучше меня во всем.

«Не может быть, – подумала Яна. – Такого просто не может быть! Ты самый лучший!»

– А сколько брату лет? – вслух поинтересовалась она.

– Ему двадцать четыре уже. Мы очень дружим.

– А чем ты занимаешься? Ты будешь учиться в институте? Что делает твой брат и твои родители? – не дожидаясь ответов, снова зачастила девушка. Ей было все интересно.

– Тебе не кажется, что слишком много вопросов? – нахмурившись, перебил ее Роберт и отвернулся.

Яна осеклась и замолчала.

Некоторое время они просто брели по аллее мимо кафе и магазинчиков. Жара уже спала, наступил приятный летний вечер. Солнце потихоньку опускалось, заливая все вокруг мягким золотистым светом. Город оживал после дневной жары. Пришла долгожданная прохлада. Окна домов были распахнуты настежь, освещенные мягким светом зажженных люстр. В воздухе витал аромат чайных роз.

Роберт попытался взять Яну за руку. От его прикосновения она вздрогнула и, вспыхнув, резко отдернула руку.

Он удивленно и внимательно посмотрел на нее.

– Что? Что-то не так? Я тебя чем-то обидел? – У молодого человека был озабоченный вид. Затем, догадавшись, он улыбнулся: – Или ты стесняешься?

Яна смущенно улыбнулась в ответ:

– Ну, теперь у тебя много вопросов, – ей хотелось все же взять его за руку, но она действительно стеснялась. – Ты знаешь, мама не хотела меня отпускать... – вдруг неожиданно для себя выпалила девушка.

– А ты, что, все докладываешь маме? – удивился Роберт.

– Не то чтобы докладываю, – она уже жалела о вырвавшейся случайно фразе. – У нас просто очень доверительные отношения, – встряхнув головой, как можно уверенней добавила она.

– Это хорошо, – согласился он и, прищурился, с интересом уставился на нее. – Так почему тебя не хотели отпускать?

– Ну, понимаешь, мама считает, что если парень приглашает девушку на свидание, он должен сначала прийти познакомиться с родителями... – ей казалось, что все это звучит нелепо, и, замаявшись, она пролепетала: – Ну, чтобы они знали, с кем их дочка ходит...

Роберт засмеялся:

– Странно, обычно с родителями знакомятся в самом конце.

– В конце чего? – удивилась Яна.

– Неважно, это я так. Мысли вслух, – Роберт все еще смеялся. – У меня с этим нет проблем! Я и сегодня мог за тобой зайти. Я же спросил, где тебе удобней встретиться. Помнишь? Это ты выбрала место.

Яна с облегчением вздохнула и кивнула, соглашаясь.

– В следующий раз я найду за тобой, тем более я уже сегодня буду знать точно, где ты живешь...

Яна боялась, что следующего раза не будет, что он не захочет прийти познакомиться с родителями, как требует того мама. И что он про следующий раз сказал только из вежливости.

Они не заметили, как подошли к парку и повернули назад на Пушкинскую. К вечеру стало больше народу. Яне показалось странным, что многие проходящие мимо ребята здоровались с Робертом. Сначала она не обращала на это внимания, а потом ее осенило. У него больше знакомых, чем у нее! Когда он успел?!

Несмотря на жаркий вечер, они с удовольствием бродили по улицам, не ведая, куда идут, просто шли и наслаждались общением друг с другом.

Роберт был явно в ударе и все время смешил Яну, рассказывал веселые истории и украдкой наблюдал, как она реагирует на его шутки. Ему было почему-то важно ее удивить, поразить, оглушить, чтобы она все время была на эмоциях и под впечатлением. Хотелось вызвать ее доверие и интерес. И молодой человек с удовлетворением отметил про себя, что это ему удалось. Действительно, Яна была очарована.

Время пролетело незаметно. Роберт спохватился:

– Уже девять. Побежали, тебе надо домой!

Яна подумала, что ему уже надоело ее общество, но Роберт сказал:

– Давай руку, бежим, иначе завтра тебя не отпустят гулять.

Янина рука буквально утонула в его ладони, такой большой, теплой и сухой. От него веяло силой, которая поработала, лишала воли, и ей вовсе не хотелось сопротивляться этой силе.

Роберт бежал чуть впереди, а девушка семенила за ним следом. На каблуках бежать было неудобно, вдобавок ко всему Роберт продолжал смешить ее, и она еле попевала.

– Подожди, я не могу так быстро, – щеки Яны пылали.

Он остановился возле ее подъезда.

– Откуда ты знаешь, что это мой дом и мой подъезд?

– Секрет фирмы, – подмигнул Роберт.

Девушка боялась, что мама выйдет ее встречать. И понимала, что надо побыстрее зайти домой. Но в то же время ей не хотелось расставаться с Робертом, казалось, что она знает его уже целую вечность.

– Тебе пора, – молодой человек легонько подтолкнул ее в нужном направлении, и ей показалось, что он это сделал с сожалением. – Иди.

А она застыла как намагниченная. Потом вздохнула и, не оборачиваясь, вошла в подъезд.

Он еще в задумчивости постоял некоторое время. «Да-а-а, не решился поцеловать ее на прощание даже в щечку». Легкая улыбка тронула его губы.

С колотящимся от волнения сердцем Яна поднялась по лестнице, позвонила в дверь и с нетерпением ждала, пока мама откроет ей, – так хотелось поделиться впечатлениями.

– Ну как? Все хорошо прошло? – мама улыбалась и смотрела на Яну с нескрываемым любопытством.

– Просто замечательно, весело, он такой внимательный, воспитанный, вежливый, такой... – восторг распирает ее. Внезапно Янино лицо омрачилось.

– Что? – удивилась мама.

– Он не спросил номера моего телефона, и мы не договорились встретиться завтра. Все...

Яна сидела расстроенная, с глазами, полными слез.

Мама прижала ее к себе и сказала:

– Девочка моя, когда парень хочет видеть девушку, он найдет ее телефон, и звонить будет, и письма писать, и цветы дарить. Поверь, если он захочет, он тебя найдет сам. Не переживай. А если не захочет – ну что ж, такое тоже бывает в жизни. – Она поцеловала дочку. – Жарко... Иди в душ, пора спать.

Девушка долго не могла заснуть, вспоминала, какой был замечательный день и вечер, глаза Роберта, как он смотрел на нее, что говорил, его большую и крепкую ладонь...

Столько впечатлений за один день!

Господи, неужели не будет завтра.. с ним?..

В эту ночь спалось плохо. Яна все время вздрагивала и ворочалась с боку на бок, не находя себе места. Просыпалась, вскакивая с кровати в испарине, прижимала руки к груди, стараясь успокоить гулко стучащее сердце. Духота давила на виски. Ни дуновения ветерка, никакого намека на прохладу, несмотря на распахнутое окно. На цыпочках пробралась на кухню, с жадностью попила воды, зашла в ванную и намочила полотенце, приложив его к разгоряченной коже. В темноте вернулась в комнату, включила ночник и глянула на часы. Убедившись, что до утра еще далеко, в изнеможении упала на кровать, вновь прикрыла веки, понемногу успокаиваясь и затихая. Выключила лампу и сразу же уснула.

Ей снился большой белый пароход в ясный летний день, мирно стоящий на якоре у причала. Вода искрилась в солнечных лучах, блики отражались на белоснежном борту.

Она стояла на берегу и то смотрела в даль, где небо сливалось с водой, то с любопытством разглядывала красивых, хорошо одетых пассажиров, разгуливающих парами по палубам. Ей так хотелось быть среди них, плыть в дальнее плавание по морям-океанам в неизведанные земли.

Она подошла к трапу и спросила у красивого молодого капитана, одетого во все белое, как можно попасть на корабль и путешествовать вместе с остальными пассажирами.

– Сколько тебе лет? – спросил тот с улыбкой.

– Мне уже исполнилось шестнадцать, – с гордостью ответила Яна, чувствуя себя совершенно взрослой и готовой к любым испытаниям.

Он улыбнулся.

– Кристофер, – позвал он штурмана, не менее молодого голубоглазого мужчину, – она уже просится на борт.

– Мы детей не берем, может, через год или два ты будешь готова, а пока... – задумчиво разглядывая ее, произнес Кристофер.

– Я готова, – с возмущением перебила его Яна.

Капитан и штурман переглянулись, снисходительно улыбаясь.

– Посмотри вокруг. Где ты видишь детей? – И показал рукой на палубу.

Глаза ее расширились от удивления.

Прямо перед ней стояла необыкновенно красивая молодая пара. Крепкий высокий парень сжимал кудрявую рыжеволосую девушку в объятиях, они страстно целовались, их тела нетерпеливо стремились друг к другу. Девушка изогнулась дугой, откинув назад свои золотистые локоны, подалась вперед, переполненная томлением, трепеща в его руках.

И тут Яна проснулась. Пробуждение было внезапным и резким, словно она упала с большой высоты. Девушка села на кровати, тараща глаза в темноту, а в голове все еще стояли картины красивого прерванного сна. Она даже застонала от досады и разочарования. Думая о возможном продолжении, Яна еще долго ворочалась в постели. Под утро ей все же удалось заснуть.

Томление

Утренняя тишина была разбита телефонным звонком. Мама с кем-то громко разговаривала в коридоре.

«Каникулы, называется, не дают поспать в субботу!» – Яна недовольно повернулась на другой бок.

Только она задремала, раздался звонок в дверь.

– Дина Павловна, – заверещала Светка. – Неужели Яна еще спит? Мы же не поздно гуляли. Вчера было так скучно, жарко, мы целый день сидели у меня в квартире и... ели.

– Прости, что вы делали? – спросила мама с усмешкой.

– Е... ели, – Чуча слегка замялась. – Все время ели, чуть не лопнули, честное слово...

– Зачем же вы столько ели? – уже не скрывая смеха, спросила мама.

– А что еще делать в такую жару? – совершенно искренне удивилась Светка. – А потом мы захотели мороженого и пошли в «Снежинку».

«Ага... Ели... в жару! Ну все.. Глупая дура! Чуча, она и есть Чуча!» – Сон как рукой сняло. Яна с возмущением вскочила с постели и выбежала в комнату.

Светка, увидев Яну, сделала большие глаза, показывая: видишь, мол, какая я хитрая...

– Света, прекрати, мама все знает, я ей рассказала, где была вчера.

Мама засмеялась, и Светка тоже прыснула со смеху.

– Ой, прости, прости, – только и сказала она. А потом вдруг выпалила: Дина Павловна, вы знаете, Яна вас боится!

Яна посмотрела на Светку уничтожающе: «Ну что ты такое несешь?»

– Боится? – удивилась мама.

Тут подал голос папа:

– Да, боится, Дина, я это уже давно заметил, и не делай вид, что это для тебя новость. Ты на нее сильно давишь.

– Зато тебе нет до нее никакого дела, – парировала мама. – И вообще ни до кого. Засыпаешь в обнимку со своим транзистором, – и насупила брови.

Папа сглотнул.

– Неправда, – нарочито твердым голосом произнес он. – Я просто не люблю лезть там, где это не столь важно! И вообще, дай ей решать и мыслить самостоятельно. Пора уже. Взрослая девочка! Ты же не хочешь, чтобы она жила, как в консервной банке?

Это была его любимая фраза.

– Все, Светка, пошли ко мне в комнату, – Яне не хотелось слушать эту перепалку.

Папа любил дочку такой, какая она есть, и всегда гордился ею. А маме хотелось, чтобы Яна была лучше, и ей все время было мало ее достижений. Из-за этого у родителей были постоянные разногласия в вопросах воспитания.

Но мама не могла угомониться:

– Я разобью твой транзистор, Аркадий!

Папа на всякий случай взял радиоприемник в руки.

– Ты в три часа ночи просыпаешься и идешь слушать вражеские радиостанции, как будто это твой долг, а перед женой у тебя никаких долгов нет? (Папа молча прижимал свою любимую «Спидолу» к груди.) Ты приходишь с работы, ужинаешь и сразу же засыпаешь в кресле. Но в три часа ночи тебя как по команде подбрасывает, и ты бежишь на кухню слушать, – и она скривилась, – «Сева, Сева Новгородцев. Город Лондон, Би-би-си». Если бы ты видел свое идиотское выражение лица в это время!

– Тише, Дина, там же дети, – старался урезонить ее папа. – Надо же знать, что в мире творится, а то мы сидим как черти в табакерке, – вымучено улыбнулся он, пытаясь отшутиться.

– Что ты вообще там слышишь, там же глушат все время?..

– Ну ты же сама, когда я рассказываю, с интересом внимаешь... И к Янке – мягче, мягче... Она у нас хорошая...

Мама замолчала, тихо зашептав что-то папе на ухо, и потом через минуту заливисто рассмеялась:

– Ну, теперь ты понимаешь, почему я все время злюсь...

Когда смех замолк, Яна посмотрела на притихшую Чучу.

– Папа любит джаз, Луи Армстронга, а мама – «Битлз». Иногда по ночам они ловят «Голос Америки», там есть джазовая программа Уиллиса Коновера, и еще музыкальную передачу из Лондона Севы Новгородцева на «Би-би-си», слушают транзистор по ночам, но в основном папа, конечно. Папа всегда был против войны во Вьетнаме, и ему нравятся хиппи.

– Да-а-а, у тебя хипповый папа, он очень добрый... – толстушка вздохнула, она своего отца видела очень редко.

– Светка, я хотела поговорить по поводу твоего утреннего выступления. Почему ты такая ду... глупая? Начала маме нести всякую чушь. Почему ты во все лезешь? Не могла со мной поговорить сначала?

Чуча виновато смотрела на Яну.

– Я не могла дожидаться, мне так хотелось узнать, как твое свидание. Я не хотела...

– Давай условимся, – строго посмотрела на нее Яна. – Сначала ты советуешься со мной, и я тебе рассказываю, что кому надо говорить!

– Так ты же меня сама просила сказать, что мы вчера были вместе, – оправдывалась Чуча.

– Все, Светка, иди домой. Я тебе позвоню.

– Яна, ты сегодня с ним встречаешься тоже? Как было вчера? – любопытство взяло вверх над обидой.

– Свет, я тебе потом все расскажу. А насчет сегодня не знаю.

Яна переживала и думала, почему Роберт не спросил ее номера телефона и не договорился с ней о встрече.

– Доча, собирайся, скоро выходим, едем на дачу, – крикнула мама из кухни.

– Светка, я не хочу на дачу. Спасай меня, – она умоляюще смотрела на Чучу.

– Дина Павловна, – начала Светка, – дело в том, что у меня сегодня, то есть завтра, то есть не у меня совсем, конечно, но у одной девочки, моей... нашей знакомой, – день рождения. И я как раз поэтому и пришла сейчас... – Светка пыталась сочинить на ходу, но у нее не очень-то получалось.

«О господи!» – Яна закатила глаза.

– Мам, Света хотела сказать, что завтра мы все идем на день рождения Ольги Пономаревой, – быстро вставила она, как будто бы переводила с иностранного языка. – Ты ее помнишь, она со мной училась в музыкалке до шестого класса.

Яна боялась, что Чуча еще что-нибудь не то ляпнет.

– С каких это пор ты с ней дружишь? Я про эту Ольгу уже года три ничего не слышу, – мама, разумеется, все поняла. Но тут снова вмешался папа:

– Дина, если Яна не хочет ехать на дачу, зачем ее заставлять? Ты вынуждаешь ее выкручиваться и врать. Вместо того чтобы все сказать как есть! Э... ну и вообще. Следи за собой. Ты все время разговариваешь командным тоном, точно как твоя мать! – папа произнес это с раздражением.

– Что тебе сделала плохого моя мать? – Дина Павловна была готова уже завестись и всю сверлила мужа одним из своих уничтожающих взглядов.

Но тот перебил ее и продолжал как ни в чем не бывало:

– Яна не будет без присмотра. У меня же замечательная теща, трам-пам-пам, всегда была... да, – папа ехидно улыбнулся.

Яна с обожанием и благодарностью смотрела на отца, и он подмигнул в ответ украдкой. Мама поджала губы, но промолчала, видно, не хотела ничего говорить при Светке. После утренней перепалки ей не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

– Хорошо, Яна. Я сейчас позвоню бабушке. Пойдешь к ней, пообедаешь. И ночевать будешь у нее тоже.

– Дина Павловна, – вставила свои пять копеек Светка. – Яна может пообедать и у нас. Моя мама приготовила индюшку.

– Нет, Света, – ответила мама с улыбкой. – Вы и так вчера много ели, чуть не лопнули. А Яна на специальной диете. Она же танцует. – И начала звонить бабушке.

Вскоре родители уехали на дачу. Чуча звала Яну к себе в гости, но та не могла уйти из дома. Она ждала. Она надеялась, что ОН ее найдет...

Девушка смотрела на телефон как на самый важный предмет в доме, подходила чуть ли не каждые пять минут и снимала трубку, чтобы убедиться, что аппарат работает, потом шла в комнату, пытаясь увлечь себя чем-то, но у нее не слишком получалось, потом снова бежала в коридор к входной двери и прислушивалась. Затем возвращалась в комнату, в очередной раз желая заняться своим привычным делом: почитать, поиграть на пианино, послушать музыку, но ничего не помогало. Ей было плохо, тошно, хотелось куда-то бежать.

Но она ждала...

Вдруг телефонный звонок, разбил тишину на тысячу мелких осколков. Яна вздрогнула и стремглав побежала в коридор, но, к ее великому разочарованию, это была всего-навсего бабушка.

– Яночка, через полчаса приходи обедать.

– Я не хочу есть, бабуля. Я позже. Позвоню сама, когда захочу.

И опять тишина, которая давила на уши.

Яна взяла книгу по искусству и живописи эпохи Возрождения. Ей обычно нравилось разглядывать репродукции Веласкеса, Рубенса, Рембрандта, Да Винчи... Но сейчас она просто тупо листала страницы.

Девушку подбросило от звонка в дверь. Пришла бабушка, принесла обед.

– Бабуля, ну зачем ты, я же не голодна, я же сказала, позвоню, – с возмущением и злостью от своей беспомощности она смотрела на бабушку.

– У тебя растущий организм, – безапелляционным тоном заявила Полина Моисеевна. – Ты должна хорошо питаться. Я сейчас все накрою.

С бабушкой было бесполезно спорить. Она всегда делала только то, что считала нужным, и ее мог притормозить только дедушка. Он легонько ударял ладонью по столу и говорил строго: «Прекрати, я сказал». Или: «Замолчи, я сказал».

И этого было вполне достаточно. Больше никто из семьи бабушку поставить на место не мог.

Яна обожала деда. Он был замечательным человеком. От него шла какая-то сила и необыкновенно положительная энергия.

«Все, я попала, – подумала Яна. – Надо идти есть или делать вид».

В это время зазвонил телефон. Полина Моисеевна тут же скомандовала:

– Иди ешь, я возьму трубку.

Но Яна уже летела к телефону и практически вырвала трубку у нее из рук.

Это был Роберт. Девушка онемела, жаркая волна накрыла ее, вытеснив из головы все мысли.

– Яся, привет! Чем ты занята? Чего молчишь? Алло!

– Я... Я не ожидала... – только и могла вымолвить она.

– Чего не ожидала? Что позвоню? Но я же сказал, – весело продолжал Роберт. Не услышав ответа, он спросил померкшим голосом: – Что ты молчишь? Скажи «привет» хотя бы...

– Привет... – тихим эхом отозвалось в трубке.

– Кто это? – заинтересовано спросила Полина Моисеевна и подошла ближе.

Яна замерла, умоляюще сигнализируя ей: уйди, мол, дай поговорить. Но какое там. Та лишь с еще большим интересом прислушалась. Внучка ее ненавидела в этот момент.

– Ясенка, ну что ты молчишь, ты не рада, что я позвонил? – с тревогой спросил Роберт.

– Я рада... – еще тише прозвучало в ответ.

– Ты не одна? – догадался Роберт.

– Я с бабушкой, – как можно непринужденнее ответила девушка.

– Я зайду к тебе сегодня в шесть. Можно? – неуверенно спросил молодой человек.

– Ты сможешь мне позвонить к шести? – Яна по-прежнему изо всех сил старалась не выдать своего волнения.

Полина Моисеевна не совсем понимала, о чем и с кем Яна договаривается, но на всякий случай сказала тоном, не требующим возражений:

– Никуда ты не пойдешь! Кто это? Иди ешь! – И приняла воинственную позу «руки в боки», продолжая внимательно прислушиваться к разговору.

– Я постараюсь позвонить к шести, – по голосу парня слышалось, что он расстроился.

– Хорошо, – прошептала Яна и поспешила повесить трубку, с досадой понимая, что Роберт слышал слова бабушки.

Разве так она представляла их первый телефонный разговор? Тем более она так ждала, так ждала... Глаза наполнились слезами. И, не помня себя от негодования и обиды, Яна набросилась на бабушку.

– Какого черта! Ну зачем ты пришла? – кричала она. – Что тебе надо?!

– Ах так... – Полина Моисеевна задохнулась от возмущения. – Ты, Яна, неблагодарная, я тебе кушать принесла и вот что получила вместо «спасибо»...

– Спасибо! – в глазах у Яны сверкали слезы. – Но тебя никто не просил! Бабушка, ну пожалуйста, уходи, я хочу побыть одна, – Яна почти умоляла ее. – Я позвоню и приду позже.

Лучше бы она поехала на дачу!

Полина Моисеевна не унималась:

– Я маме все расскажу. Кто это звонил? Никуда ты не пойдешь, я сказала!

Яна попыталась ее обойти и оттолкнула. Бабушка чуть не задохнулась от возмущения.

– Тебя лечить надо! У тебя нервы не в порядке. Разве можно так бросаться? – она оседлала своего любимого конька и принялась поучать и воспитывать Яну. – Сколько раз я говорила Дине, что такая нагрузка не каждому ребенку по плечу. Завтра же позвоню знакомому детскому невропатологу. Ты должна хорошо питаться и соблюдать режим дня. И в такую жару даже собак из дома не выпускают, а ты собралась уходить неизвестно куда и не известно с кем. Надо беречь себя...

– Бабушка, я уже не ребенок. Хватит меня допекать и поучать! Ты меня достала, достала! – закричала Яна, чуть не плача. – Я сейчас деде позвоню и пожалуюсь!

Аргумент сработал. Полина Моисеевна ушла, недовольно хлопнув дверью. Но Яна поняла, что продолжение следует, и властная женщина не так просто расстанется с идеей сводить ее к невропатологу. Девушка расплакалась..

«Он все слышал. Что он обо мне подумает? Он не позвонит», – с горечью думала она.

Около пяти вечера неожиданно вернулась мама.

Яна жутко обрадовалась, со слезами кинулась ей на шею и обняла.

– Что случилось, доченька?

Всхлипывая и возмущаясь, Яна рассказала про звонок Роберта и про бабушкино показательное выступление.

– Я поговорю с ней. Не расстраивайся. Ты же ее знаешь. Вот видишь, хорошо, что я вернулась. Мы забыли крышки на закатку. Ты знаешь, я так рада: у нас небывалый урожай

абрикосов! Очень неожиданно и вдвойне приятно, – мама радовалась как ребенок. – Я завтра поеду утренним катером. – И направилась к телефону звонить бабушке.

Яна старалась успокоиться, не думать о Роберте и не ждать его звонка.

Чайные розы

В гостиной работал телевизор. Яна с мамой, уютно устроившись на диване, пили чай с вишневым вареньем. Девушка в очередной раз посмотрела на часы: начало седьмого. Смирившись с тем, что никуда не пойдет и проведет вечер с мамой и бубнящим не о чем телевизором, она с горечью вздохнула. В это время в сонной угрюмой тишине раздался резкий звонок в дверь. От неожиданности обе едва не подскочили на месте, переглянулись и застыли в недоумении.

Мама пошла открывать, и Яна услышала ее удивленное: «Проходите, молодой человек».

– Меня зовут Роберт, – он представился, как показалось Яне, без всякого волнения.

– Дина Павловна, – мамин голос прозвучал чуть выше обычного – так было всегда, когда она волновалась.

Яна просто обомлела, никак не ожидая ничего подобного. Она была в застиранном домашнем халатике и в комнатных тапочках. Идиотская ситуация...

– Проходите в комнату, – сказала Роберту мама. – Будем пить чай.

Неожиданный гость появился в дверях гостиной с букетом чайных роз и подмигнул Яне, отдавая цветы.

Дина Павловна внимательно посмотрела на розы и с улыбкой заметила:

– Это, конечно, очень мило, когда молодой человек приходит с цветами, но зачем же обносить соседские клумбы?

Яна чуть не провалилась сквозь землю. А Роберт лишь рассмеялся:

– Вы заметили? Ну, в смысле, я про клумбы.

Яна сидела на диване с букетом ни жива ни мертва, представляя, как она глупо выглядит.

Роберт же был необыкновенно красив, и девушка отметила, как мама не может отвести от него глаз и разглядывает с явным любопытством и удивлением, очевидно, совсем не ожидая увидеть такого красивого и взрослого парня. Светло-голубые потертые джинсы сидели на нем безукоризненно, и белая майка без рукавов, подчеркивала его загар и мускулатуру. На шее висела толстая золотая цепь.

Придя через какое-то время в себя, Яна поднялась, отдала букет маме и сказала Роберту, что пойдет переодеться.

Зайдя к себе в комнату, она притворила дверь и прислонилась к ней спиной, постояла так мгновение, стараясь унять отдававшееся в висках сердце. Затем, набрав в легкие воздуха, словно собираясь нырнуть с высоты в воду, лихорадочно начала рыться в шкафу, пытаясь найти подходящий наряд. Но, как назло ничего не нравилось, снова было нечего надеть! Наконец выбрала ситцевую цветную юбку с оборкой и ярко-синюю маечку в тон.

Когда она вышла из своей комнаты, журнальный столик был накрыт к чаю. Дина Павловна вытащила все запасы, припрятанные для дорогих гостей. В маленьких хрустальных тарелочках аппетитно лежали миниатюрные бутерброды на шпажках с копченой колбаской, икрой, красной рыбой и сыром, украшенные овощами. Мама также принесла несколько видов варенья и конфеты.

«Когда она успела?» – удивилась девушка.

В уютном свете торшера Дина Павловна сидела в кресле и о чем-то мило беседовала с Робертом, устроившимся на диване. Яна улыбнулась при виде этой идиллии. Парень с удовольствием уплетал бутерброды, запивая их чаем. В тот момент, когда Яна вошла в гостиную, он на секунду перестал жевать и смерил ее чуть нагловатым, оценивающим взглядом. Девушка смутилась, неловко взяла чашку с чаем, расплескав его на блюдце, и присела рядом на диван.

– Я как раз рассказывал, что занимался хоккеем в Новосибирске, а здесь у вас нет такой возможности, поэтому пришлось записаться в секцию бокса, у вас хорошая спортивная школа.

– Мама, мы пойдем погуляем, – Яне скорее хотелось вырваться из дома и поговорить с Робертом наедине.

– Ей в девять надо быть дома, мы завтра рано утром уезжаем на дачу, – мама почему-то обратилась к Роберту.

– Но уже почти девять! – парень выжидающе посмотрел на Дину Павловну.

Та нахмурила лоб, напустив на себя излишнюю строгость.

– Ладно, сегодня можно чуть позже. В десять! Да, в десять, но не позже! – тоном, не требующим возражений, наконец, произнесла мама.

– Не волнуйтесь, она будет в десять, – согласился Роберт.

«Они все решили, как будто бы меня здесь нет», – подумала Яна.

– Ма, я встану во сколько надо, не волнуйся и ложись спать, – заявила она, ни капли не сомневаясь, что мама не сомкнет глаз. Дина Павловна удивленно подняла бровь, но ничего не сказала.

Молодые люди вышли на улицу.

– Было вкусно! И мне очень понравилась твоя мама. Как это она все ловко сделала? Положила всего понемножку в совсем маленькие тарелочки, и я наелся! – восхищался Роберт.

– Но тебе разве не было страшно? – удивилась Яна. Она представила себя на его месте и – брр! – передернула плечами.

– Что? Да. Нет. Дай подумаю, – он засмеялся. – Если честно, то было, скажем, страшно-вато. Я волновался.

– Но этого совсем не было заметно, ты вел себя очень естественно, – Яна смотрела на него с восхищением.

– Надеюсь, выдержал экзамен? Что скажешь, детка? – с интересом и в то же время шутливо спросил Роберт.

– Я думаю, все прошло хорошо, ты понравился маме, – заверила Яна, просияв от услышанного от него слова – «детка». Только дедушка ее так называл.

– Тебе виднее, – улыбнулся Роберт. – Чем займемся? Командуй! Я в твоём распоряжении. Можешь делать со мной все что хочешь!

Он смотрел на нее сверху вниз, прищурился, и буквально сторал от любопытства, ожидая ее реакции.

– Все, что захочу? – Яна слегка растерялась, не зная что ей делать.

Он кивнул.

– Дай подумать... Можно даже тебя помучить? – игриво спросила она и подошла к нему поближе.

– М-м-м, ты уже начала, – он скорчил гримасу муки на лице.

Она удивилась:

– Это как? Я же еще ничего не успела сделать.

– Ну... Когда ты подходишь совсем близко, ты начинаешь меня мучить...

Яна ничего не поняла и на всякий случай сделала шаг назад.

Роберта буквально согнуло от смеха.

Разговаривая и шутя, молодые люди бродили по окрестным улочкам и незаметно ноги сами привели их в порт. Время пролетело как-то незаметно, уже совсем стемнело. Они отыскали свободную скамейку и сели под плакучей ивой прямо у пирса. Слышен был успокаивающий плеск волн, бьющихся о причал. Вода была темная и спокойная. Ее делила пополам отчетливо блестящая лунная дорожка. Ветерок приятно освежал лицо своим мимолетным касанием, наполняя легкие пьянящим воздухом. Влюбленные сидели на скамейке и заворожено смотрели на реку, размеренно текущую, так же, как и время, куда-то в бесконечность.

– Ты знаешь, уже без десяти одиннадцать, между прочим, – первым нарушил молчание Роберт

– Ты лучше скажи, где ты нарвал цветов? – улыбнулась Яна, пропуская мимо ушей его замечание.

– Недалеко от твоего дома. Ваш город утопает в чайных розах... Поэтому я решил немного одолжить для понравившейся мне девочки, – глаза Роберта светились, и он наклонился к ней, чтобы поправить локоны, упавшие ей на лоб. – Тебе обязательно завтра ехать на дачу? Может быть, пойдем в кино?

– Я не знаю... Ты мне позвони завтра ближе к вечеру, если я отвечу, значит, осталась дома, смогла отвязаться... – вздохнула Яна.

– Бедная, тяжело тебе живется. Как птичке в клетке, – слегка наигранно вздохнул Роберт. – Девчонки в твоём возрасте уже всюду целуются с парнями на лавочках и ещё чем-то другим занимаются, – говоря это, он с бессовестной жадностью смотрел на Янины губы.

Этот его взгляд пронзил насквозь, и она залилась предательским румянцем, сгорая от смущения.

– Но мне нравится, что ты другая... – продолжил Роберт с нежностью.

– А какая же я, скажи?.. – спросила Яна шепотом и затаила дыхание в ожидании ответа.

Юноша наклонился к ней и прошептал на самое ухо:

– Ты необыкновенная...

От его близости по коже побежали мурашки и закружилась голова. Роберт улыбнулся и легонько погладил девушку по щеке тыльной стороной ладони, а потом убрал завитушку, спустившуюся ей на лицо...

— — —

– Ты опоздала больше чем на час, – усталым голосом проворчала Дина Павловна, зевая. У нее уже слипались глаза и это спасло Яну от разбирательств. – Будешь себя так вести, вообще выйдешь из доверия и никуда больше не пойдешь.

– Ладно, – миролюбиво согласилась Яна, у нее было слишком хорошее настроение, чтобы вступать с мамой в спор. – Спокойной ночи.

Засыпая, Яна с нежностью вспоминала прошедший вечер и поняла, что по-прежнему ничего не знает о Роберте. Вот случилось же такое: совсем чужой человек за короткое время стал таким родным, и нет ни минуты, чтобы она не думала о нем!..

Дача

День обещал быть душным и жарким, воздух постепенно наливался зноем, но настоящее пекло пока не наступило.

Мама все же уговорила Яну поехать на дачу: «Доченька, вставай! Ты же будешь мучиться от жары в городе. А там поплаваешь, это же такое удовольствие!»

Но сработал на самом деле совсем другой аргумент. Мама сказала, что нельзя каждый день встречаться с парнем:

– Ты же не хочешь ему быстро надоесть? Он очень интересный и красивый! (Яна взглянула на нее украдкой.) Я думаю, у него есть девушки и постарше тебя. Пусть видит, что ты другая, занята. Пусть побегает и поволнуется...

Сомнения раздирали ее изнутри, правильно это или нет, но пришлось довериться маме и согласиться.

По дороге на дачу Яна без умолку говорила о Роберте. Мама терпеливо слушала и улыбалась. А потом сказала:

– Если ты хочешь с ним встречаться, ты должна узнать о нем больше. Он какой-то скрытый, твой Робин Гуд, несмотря на свою общительность и напускную веселость. Кажется простым, но на самом деле намного сложнее и совсем не такой рубаха-парень, поверь. Это какая-то защитная реакция, и не так уж он уверен в себе, как хочет казаться. Что-то в нем есть, какая-то загадка, – мама потерла подбородок в задумчивости. – Нет, мне он очень понравился. Внешне просто красавец, правда. Но я не знаю, не понимаю, чего он хочет от тебя. Ему нужна однозначно девочка постарше, может быть, даже старше, чем он сам...

Последнюю фразу мама сказала как будто бы самой себе.

Яна внимательно впитывала каждое ее слово. Любопытно было бы узнать, что же он такого нашел в шестнадцатилетней школьнице. Кто он вообще, этот Роберт Гудковский?

Дачный домик располагался почти у самой реки и состоял из двух небольших комнат и деревянной веранды, увитой виноградом. Снаружи был разбит небольшой симпатичный цветник, обнесенный забором. За домом находились фруктовый сад и огород. Там всегда было много работы, и папа на даче трудился до изнеможения, пропалывая сорняки и удобряя почву. К реке спускался деревянный мостик со ступеньками, ведущими в воду.

У мостика Яна увидела лодку, с подвешенным на ней мотором. Значит, папа уже успел покататься до их приезда.

Стоял прекрасный летний день. Безмолвно застыли деревья, изредка шелестя листвой от легкого дуновения ветерка с реки. Под солнечными лучами искрилась и плескалась вода. Все замерло и притихло под палящим солнцем, только в сухой от жары траве без умолку трещали кузнечики. От зноя даже птицы куда-то попрятались. Одна лишь вода в реке текла, не замечая жары, и манила прохладой.

Яна переделась в купальник, взяла удочку и побежала на мостик ловить рыбу. От реки веяло живительным ветерком. Поблескивая крылышками, летали стремительные стрекозы, изредка садясь на поплавок ее удочки. Пахло свежескошенной травой и пирожками с вишней, которые мама жарила на летней кухне. Огромная плакучая ива раскинула свои ветки над мостиком, где, опустив ноги в воду, сидела Яна.

Тишину прервал стрекот моторной лодки. Присмотревшись, девушка узнала своего друга детства, Эрика Торики.

Мальчик радостно помахал ей рукой, жестом попросил принять канат и приготовился пришвартовать лодку к мостику.

– Ясик, привет! Я знал, что ты здесь. Я как чувствовал, что ты на даче, – широко улыбаясь, приветствовал Яну Эрик. Глаза его светились радостью, но ему не удалось скрыть своего смущения. Перед Яной он всегда немного робел.

– Привет! Ты в такую даль приехал один? – удивилась девушка. Обычно он навещал их с родителями.

Эрику было четырнадцать. Яна отметила, что для своего возраста он довольно высок и мускулист. Это от занятий греблей, наверное. На тренировках он много времени проводил на свежем воздухе, поэтому красиво загорел. Она с интересом рассматривала парнишку. Светлые волосы до плеч, большие карие выразительные глаза... Редкое сочетание. Угу, повзрослел, похорошел мальчик.

– Я пойду поздороваюсь с твоими предками. А потом ты... ты поедешь со мной покататься? – с надеждой в голосе спросил Эрик.

– Сначала обещай мне что-то, – хитро улыбнулась девушка.

– Все что угодно, Яся, – с готовностью согласился мальчик.

– Я поеду с тобой, если мы... ты... потом поныряешь за раками, хорошо?

– Что, за вопрос, конечно! – широко улыбнулся Эрик.

Отец возился в огороде, а мама готовила обед и занималась заготовками на зиму. Родители, увидев мальчика, сразу же бросили свои дела. Аркадий Семенович сполоснулся у ручья и, утирая майкой мокрое лицо, вышел навстречу Эрику.

– Смотри, как пацан вырос! – радостно воскликнул он, обнимая и похлопывая парнишку по плечу.

Дина Павловна удивилась, что Эрик сам приехал на лодке в такую даль, и поинтересовалась, отпустили ли его родители и на сколько.

Мальчик при этом скорчил на лице такую гримасу, которая, по его мнению, должна была выражать независимость.

– Все в порядке. Родители знают, где я, и просто попросили, чтобы я вернулся дотемна, – уверовал их Эрик пренебрежительным тоном. И Яна сразу поняла, что он врет.

Дина Павловна, видимо, тоже это заметила, но не подала виду.

– Мы покатаемся немного на лодке и скоро вернемся, – парнишка поспешил поменять неприятную для него тему, и они с Яной направились к реке.

Дина Павловна проводила их задумчивым взглядом и обратилась к мужу:

– Аркадий, Эрик – сын наших друзей. По-моему, он довольно безнадежно влюблен в нашу дочь. Она может разбить мальчику сердце.

– Кому не разбивают сердце в таком возрасте? Он хороший мальчик, его искренне будет жаль, если такое вдруг случится! Но в данном случае меня больше волнует Яна. Как бы ей новоиспеченный друг не разбил сердце. По твоим словам, уж больно он красив и идеален. Возьми на заметку, Дина, – он обнял жену за плечи. – Идем, скупнемся.

Не дожидаясь ответа, Аркадий Семенович спустился к реке и с разбега прыгнул в воду. Когда он вынырнул, лицо его выражало полный восторг и блаженство. Шумно отфыркиваясь и смеясь от удовольствия, он поплыл, раздвигая воду руками, радуясь ощущению приятной прохлады, освежающей уставшее от работы тело.

Дина Павловна постояла, немного полюбовавшись мужем, и вернулась к своим делам.

Черный туннель

Роберт проснулся среди ночи. Нестерпимо хотелось пить. Посмотрел на часы – четыре утра. Поднялся, побрел на кухню, в темноте наткнулся на стул. В мертвой тишине ночи это прозвучало как гром среди ясного неба.

– Вот черт!..

– Опять не спится? – сонным голосом спросила мать.

– Мам, все хорошо, просто хочу пить...

На самом деле его опять мучили кошмары. Снова один и тот же сон.

Ему шестнадцать. Еще совсем мальчишка и будто он бежит по длинному грязному подземному туннелю в кромешной тьме. Под ногами хлюпает вода, вокруг страшно, нестерпимо воняет. Канализационный коллектор? Как же он попал туда? Глаза еще не успели привыкнуть к темноте, ужас раздирает душу. Там впереди должен быть свет. Но сколько он ни всматривается, вокруг только густая шевелящаяся тьма. Подгоняемый страхом, он бежит вперед, стараясь касаться рукой одной из стен, чтобы почувствовать хоть какую-то опору и не потерять равновесие. Ему страшно от того, что он производит так много шума, страшно, что его быстро отыщут. Надо бы остановиться и прислушаться, но инстинкт самосохранения гонит его вперед и вперед. Скорее бы оторваться от преследователей и оказаться как можно дальше от этого злоеющего места. Поскользнувшись, Роберт падает и чувствует острую боль в коленях. Несколько секунд он стоит на четвереньках, оглушенный падением, его рвет, горечь заполняет горло.

С трудом поднявшись, он нащупывает рукой мокрую склизкую стену и прислоняется к ней спиной, чтобы хоть немного успокоиться и перевести дух. Никогда в жизни он не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Горло жжет, безумно хочется пить. От отчаяния на глаза наворачиваются слезы, но Роберт не плачет, лишь, вздохнув несколько раз, стискивает зубы и сжимает кулаки, стараясь взять себя в руки.

Он стоит и настороженно прислушивается, но кроме глухих ударов собственного сердца и капающей где-то воды ничего не может расслышать. Прижав руки к груди, закрывает глаза, чтобы как-то уgomонить дрожь и приглушить давящее отчаяние. Роберт настолько раздавлен и напуган, что не сразу чувствует странное копошение у себя над головой и под ногами. Страх заставляет его отпрянуть от стены и отскочить на середину туннеля. Как слепой, он настороженно вытягивает руки вперед, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

Время словно остановилось. Он не помнит, сколько простоял в этой шевелящейся тьме.

Вдруг замигал аварийный свет, как удар молнии, и сознание включилось снова: его хватились, началась погоня.

Сердце пропускает удар, а потом учащенно колотится от животного страха, пульс отдаёт в висках, но то, что он в этот момент увидел в мигающем свете аварийки, на мгновение лишает его рассудка. Роберт оцепенел: целое скопище огромных крыс сидит на трубах на уровне его роста и копошится у его ног. Ужасные животные нереально огромных размеров смотрят на него злобными глазами и следят за каждым его движением. Он едва не лишается чувств, осознав угрозу, исходившую от этих тварей.

От ужаса перехватывает дыхание, он судорожно хватается за горло, но, услышав вдали топот ног и хлюпанье воды, понимает, что преследователи уже близко.

Едва не поддавшись нахлынувшей на него панике, он вдруг чувствует интенсивную волну страха, но усилием воли заставляет себя справиться с тошнотворным парализующим оцепенением и, подгоняемый мыслью, что впереди все же есть выход, не обращая внимания на боль в расшибленных коленях, прихрамывая, бежит вперед.

Но не успевает сделать и десяти шагов, как ему на спину прыгает одна из тварей, почувствовавшая в своей жертве отчаяние и усталость. Роберт пытается стряхнуть крысу, но та повисла на его руке. Внезапная острая боль пронизывает предплечье; Роберт ощущает впившиеся в него зубы и с размаху ударяет крысу о стену. Слышится резкий писк. Не останавливаясь, он бежит дальше. Крысы следуют за ним и периодически, осмелев, прыгают на него, чувствуя, что человек теряет силы. В какой-то момент Роберт понимает, что уже не может двигаться дальше. Пришлось остановиться и защищаться. Словно в беспамятстве, он топчет, обступивших его крыс ногами, швыряет о стену, давит руками и снова топчет.

– Я вам покажу, кто сильнее, это вы, твари, должны бояться! – в отчаянии кричит Роберт и видит, как голодные крысы, почувствовав запах крови, сами добивают раненых, с жадностью пожирая друг друга. Это останавливает их ненадолго, но, сожрав трупы, они нападают снова.

Воздух! Дышать, как учили на тренировках, дышать! Без паники, надо взять темп и двигаться! Вперед, Роберт, беги!

Сколько прошло времени, и как далеко он успел убежать, совсем уже перестало волновать Роберта. Крысы по-прежнему следуют за ним, но он уже и на них прекращает обращать внимание. Он задыхается. Грудь словно пронзило раскаленной острой иглой, голову раздуло от пульсирующей крови. Он падает сначала на колени, а потом заваливается на бок... Сквозь затуманенное сознание слышит ликующий визг агрессивных тварей, но ужасней всего звучит топот ног приближающихся преследователей. Роберт забился в истерике, но через мгновение затих. Веки его сомкнулись, он погрузился в черную бездну, унося с собой заполнивший уши грохот выстрела, безумный крысиный визг и человеческие голоса...

«Вот он, нашли!»

На этом месте он всегда просыпался и ловил ртом воздух.

В тишине посидел на кухне немного, допил воду из стакана, вздохнул, посмотрел на полную луну. И тихо, на цыпочках, стараясь не шуметь, побрел к себе в комнату. Он заснул не сразу. Но спал до утра уже спокойно и без сновидений.

Утром проснулся с мыслью о Яне и улыбнулся, сладко потягиваясь. Но, вспомнив свой кошмарный сон, тут же нахмурился и резко сел на кровати. Это вернуло его к действительности.

Роберт не знал что делать. С одной стороны и так все понятно – у них нет никакого будущего, потому что Яна еще слишком мала для серьезных отношений и сама ничего не решает, а с другой стороны, его необъяснимо влекло к ней. Если бы все перечеркнуть, если бы начать все сначала, если бы не те роковые обстоятельства... Прошлое догоняло его, и он никак не мог его отпустить, как ни старался. Оно преследовало его своей призрачной тенью, напоминая о себе ночными кошмарами.

Вздых сожаления вырвался из груди. Роберт потер пальцами подбородок.

Один и тот же сон, один и тот же...

Его красивое лицо исказила мука и он стиснул зубы и сжал кулаки. Юноша был в полном смятении. Вот же угораздило так некстати влюбиться!

Обычно утренняя пробежка помогала привести мысли в порядок. Роберт быстро надел спортивные штаны и майку, повесил полотенце на шею и собрался выбежать на улицу.

Так хотелось услышать ее голос. Он решил позвонить ей с дороги, может, удастся увидеть ее и лицо его просияло.

Старший брат Роберта, Эдик, только проснулся и вышел из своей комнаты, зевая и потягиваясь.

– О, пробежка? Подожди пару секунд, я с тобой. – И начал собираться. – Ты уже завтракал?

Эдик завязывал шнурки на кедах. Не услышав ответа, он повернулся к брату. Тот сидел неподвижно и смотрел в одну точку, думая о своем и никак не реагируя.

Эдик удивился: обычно вопрос о завтраке не проходил незамеченным. Он решил попробовать снова:

– Или потом позавтракаем, когда пробежимся?

Снова никакого ответа. Роберт его не слышал.

– Хм. Что ты такой задумчивый? Что с тобой? – старший брат был явно заинтригован его странным поведением.

– Не знаю, что мне делать.

– Пошли, по дороге расскажешь.

Братья бежали рядом, не перегоняя друг друга.

– Ну так что стряслось?

– Я тут познакомился с одной девушкой... девочкой, ей всего шестнадцать.

– Даже не вздумай... – сразу категорично отрезал Эдик. – Зачем тебе малолетка? У тебя полно других девчонок.

– Это невозможно, объяснить, она меня сразила с первого взгляда. Одним движением руки, поворотом головы... – задумчиво произнес Роберт.

– Господи, да она еще сто раз поменяется, она же растет. Тьфу, – Эдик сплюнул с возмущением.

– Я ее на пляже встретил, раздетой. У нее все на месте. Очень красивая девочка.

Эдик остановился.

– Ты же не думаешь ничего такого, правда? – и пылливо посмотрел на брата.

– Нет, конечно, – Роберт встряхнул своей светлой шевелюрой.

Они побежали снова.

– В твоем возрасте только трахаться надо, а не вздыхать на скамейке и не бродить как сомнамбула под окнами. Неужто ты Ромео? Никогда за тобой этого не замечал, – засмеялся старший брат.

Роберт молчал, стараясь сохранить дыхание.

– Да по тебе уже полгорода девок сохнет, я же знаю, – продолжал Эдик. – Вот посмотри хоть на наших соседок, они все время о тебе спрашивают, вешаются на тебя, я не вижу, что ли? Дашка – девка что надо, ты только помани – и она твоя.

Роберт лишь отрезал:

– Неинтересно! Да никто мне не нужен, ни на кого смотреть не могу. Понимаешь? Вот мы сейчас бежим, а я все время думаю: как она там? Что делает? Чем занимается? Все мысли только о ней...

– Пойди трахнись с кем-то, и все пройдет, поверь! – — напутствовал старший брат. – На фиг она тебе сдалась?

– Я познакомился с ее родителями, – продолжал Роберт, не слушая его.

– С родителями? Уже? Ну ты даешь! – удивленно присвистнул Эдик.

– Мне пришлось... Ее бы не отпустили... – сказал Роберт с совершенно отрешенным лицом. – Понимаешь, семья такая. Ее дед – замдиректора самого большого в городе завода всесоюзного значения. Мама – профессор.

Эдик снова остановился.

– Не смей лезть туда! – уже серьезным тоном заявил он. – Слышишь? Лучше бы тебе держаться от этой девчонки подальше. Не хватало еще лишних неприятностей. Если, не дай бог, у вас с ней что-нибудь произойдет, тебе несдобровать. Она же несовершеннолетняя! И семья такая. Мы никак не можем оправиться от одного удара! Подумай о родителях, они не переживут новых потрясений.

– Да не собирался и не собираюсь я ее трогать! Все, проехали тему. Сам разберусь. – И, сжав зубы, Роберт побежал быстрее, оставив старшего брата позади. Сколько можно напоминать!

– Вот ты черт, обиделся! – в сердцах воскликнул Эдик.

Роберт остановился у телефонного автомата. Сердце его стучало, когда он набирал номер Яны. Но на той стороне провода слышались только долгие длинные гудки...

Яна с Эриком вернулись на дачу под вечер. Друзья очень хорошо провели время. Ныряли, смеялись, набрали лилий и кувшинок. Парнишка был счастлив.

На мостике их уже поджидали местные мальчишки с гитарой и огромной миской вареных раков.

– О-о-о, будет веселый вечер, – обрадовалась Яна. – Жаль, что тебе уже надо уезжать, Эрик.

– Я могу остаться и заночевать у вас, – тут же принял решение мальчик.

Яна с сожалением посмотрела на него и погладила по голове как маленького ребенка. Эрик дернулся, от этого материнского жеста.

– Твои предки сойдут с ума, если ты сейчас не вернешься, – смотря ему в глаза, произнесла девушка.

– Если ты мне велишь остаться, я останусь, – Эрик напряженно смотрел на нее.

– Нет, я не сделаю этого, ты же знаешь. Лучше приезжай завтра и захвати водные лыжи. Поучишь меня стоять на них. Хорошо? – Она встала на цыпочки, поцеловала его в щеку и, тут же отвернувшись, обратилась к ребятам: – Давно ждете? Я так рада вас видеть! Так что, сегодня концерт по заявкам?

Все дружно рассмеялись.

Эрик, не включая мотора, стоял в лодке, которую течением относило от мостика, стоял и не мог отвести взгляда от Яны... Его глаза застилала слезы.

Даже в разгар веселья у костра Яна думала о Роберте. Несмотря на то, что ей было хорошо среди друзей детства, она жалела, что не осталась дома и не встретилась с ним.

Утром первым делом она предупредила, что в полдень возвращается в город.

– А если приедет Эрик? – спросила мама.

Яна уже и думать о нем забыла.

– Ну, скажешь, что мне пришлось уехать по делам...

Дедушка

Город встретил Яну духотой, липкой влажностью и ленивой полуденной тишиной. Одинокий прохожий, с потным разгоряченным лицом, сонно брел Яне на встречу. И она с ухмылкой подумала, что выглядит точно также. Хотелось поскорее оказаться дома, все с себя снять, принять душ, включить вентилятор, упасть на диван и не двигаться. Но Яна, выискивая редкую тень, шла к бабушке, потому что сильно соскучилась за дедой.

Пожилой мужчина сидел под стареньким вентилятором и читал газету. При виде внучки очень обрадовался, каждая морщинка на лице осветилась улыбкой.

Всего лишь несколько лет тому назад они много времени проводили вместе, гораздо больше, чем сейчас. В последнее время дед плохо себя чувствовал и поговаривал, что хочет уйти на пенсию. Весной в 1966 году в Москве у него случился инфаркт во время командировки, прямо в министерстве. Сразу же вызвали скорую, и дедушку положили в больницу. Полина Моисеевна, как только узнала, что случилось с ее мужем, тут же бросила все дела, полетела в столицу и целый месяц там за ним ухаживала. Когда они вернулись, бабушка рассказала Яне, что дед считал каждую минуту до встречи с внучкой, поэтому так быстро выздоровел. После инфаркта Павел Романович частенько поговаривал:

– Сердце мое барахлит, очевидно, пора на пенсию.

Еще совсем недавно он спешил с работы, чтобы забрать Яну из музыкальной школы. Домой они шли неторопливо, разговаривая на любые темы, им всегда вместе было интересно и весело. Заходили в кафе «Снежинка», дедушка покупал внучке заварное пирожное и молочный коктейль. Частенько любили заглянуть в центральную аптеку, даже если в этом не было никакой необходимости. Потом обходили интересующие Яну магазины. Как у дедушки только хватало терпения!? Непременно посещали «Филателию», чтобы купить новых марок для коллекции, а потом вечерами их рассматривали и сортировали. Яна любила такие дни, всегда ждала их. И дедушка, несмотря на свою крайнюю занятость, непостижимым образом находил время на общение с внучкой.

Ни для кого не было секретом, что у Полины Моисеевны сложный характер, но, не смотря на это, семья жила очень дружно, в уважении друг к другу и супруги никогда не ссорились. Яна не слышала, чтобы кто-то из них повышал голос. Если бабуля делала пирожки с вишней, дедушка всегда вынимал косточки. Если жарились котлеты, дед резал лук и чистил чеснок. Яна любила оставаться у них ночевать и в детстве жила на два дома.

На праздники к ним приходили друзья и приезжали родственники. Стол всегда ломился от угощений. Компании собирались шумные и веселые. Маленькая Яна очень любила и ждала этих праздников. Особенно 1 мая и 7 ноября. Разноцветная колонна демонстрантов с транспарантами шествовала по главной улице города, перекрытой от движения машин. Проходили мимо трибун с городской властью. Им кричали: «Слава КПСС!» И в ответ слышалось дружное: «Ура-а-а!!!». По улицам гуляли веселые и празднично одетые люди, поздравляли друг друга, а потом разбредались по гостям.

Но особо почитаемым праздником у них в семье считался День Победы. Бабушка готовила оливье и холодец, фаршировала рыбу, а главное, пекла свой фирменный торт «Наполеон», по особому рецепту. Такой вкуснятины Яна никогда и ни у кого не ела. Она знала, что если готовились все эти блюда, значит, вечером будут гости!

9 мая утром дедушка надевал свой праздничный костюм с орденами и медалями, надувал шары, и они с внучкой шли на встречу ветеранов. Весна была в самом разгаре: цвели персики, деревья уже успели покрыться молодой листвой, зеленела трава, город утопал в празднике и улыбках. На улицах изо всех окон лилась песня: «Этот День Победы порохом пропах!» И для того поколения это были не пустые слова.

Ветераны собирались на площади, а потом шли к реке в «Парк Славы» возлагать венки на Могилу Неизвестного Солдата, где горел вечный огонь. Павел Романович всегда возглавлял колонну, и их с Яной показывали по местному телевидению. А главное, в душе царило ожидание и чувство праздника. Такое ощущение, наверное, может быть только в детстве.

Павла Романовича, уважали и ценили в городе, он был авторитетным человеком. Его слово стоило многого, а за словами всегда следовали дела. Он помогал разного рода организациям, школам, предприятиям в меру своих профессиональных возможностей и занимаемой должности.

На службе он прослыл довольно жестким руководителем, и подчиненные его побаивались. Но на самом деле он был добрейшей души человеком. Все свое свободное время старался уделить Яне. Учил ее играть в шахматы, и вечера проходили в сражениях. Чтобы ей было интереснее, сочинял невероятные истории про королей и королев, их слуг, выдумывал смешные батальные сцены.

Однажды, когда девочке было примерно лет десять, она забежала после школы на обед. И странно: дедушка был не на работе, а дома. Он сидел за обеденным столом, склонив голову на руки, и был очень молчалив и печален.

Яна подошла к нему, поцеловала, но он как будто не реагировал, не улыбался и не шутил, только с нежностью посмотрел, и все. Яна почувствовала: что-то случилось.

– Деда, что с тобой? Ты какой-то грустный.

– У меня мама умерла вчера, – просто ответил дед.

Яна никогда не видела своей прабабушки, а только знала, что та живет в Таганроге. Девочка пришла в ужас.

– Ты уезжаешь на похороны, деда?

– Нет, – вздохнул он. – Ее сегодня похоронили. Мне сообщили слишком поздно.

И показал телеграмму.

В тот день дед был подавлен и опечален. Но обычно у него всегда было хорошее настроение, улыбка не сходила с лица, и каждую свободную минуту он стремился пообщаться с внучкой. Яна была смыслом его жизни, и он очень гордился ею.

Кинжал

Павел Романович увлекался коллекционированием. В книжном шкафу стояли альбомы марок, среди которых имелось немало ценных и попросту уникальных. Бесчисленное множество поздравительных открыток заполняли специально отведенные полки, где они были сложены по тематикам. На видном месте в серванте красовались модели самолетиков времен Второй мировой войны, и еще имелся огромный альбом с мягкими страницами, где были приколоты значки со всевозможными кораблями, яхтами и парусниками. Яна обожала рассматривать их, и вечерами они с бабушкой часто перебирали коллекцию, обсуждали и спорили, как все правильно разложить. А еще у бабушки имелся немецкий кинжал со стертой фашистской свастикой. Когда Яна была еще совсем маленькая, она случайно нашла его в шкафу среди постельного белья и была страшно удивлена.

Сколько Яна ни приставала с расспросами об этом кинжале, Павел Романович всегда отмалчивался, но однажды он все же рассказал его историю.

– Деда, ну, расскажи, откуда этот кинжал? – в очередной раз пристала Яна.

– Это секрет, это тайна, которую я не могу никому рассказать, – ответил дедушка. – Ты умеешь хранить тайны, Яна?

– Да, конечно, – поспешила заверить его внучка. – Я обещаю, я умею хранить тайны.

– Видишь ли, я эту историю никогда никому не рассказывал и об этом кинжале не знает ни одна живая душа. Хранение холодного оружия незаконно. А этот кинжал является холодным оружием. Ты понимаешь это? – еще раз спросил дедушка.

– И даже бабушка и мама не знают? – удивилась Яна. Глаза ее расширились и заблестели от любопытства.

– Да, детка, даже они не знают...

Яна вздохнула и решила уже, что дед сейчас вдруг передумает, но тот, внимательно посмотрев на нее, начал свой рассказ.

– Я был тогда еще совсем молодым, только окончил летную школу и получил диплом штурмана. Когда началась война, мы летали на бомбардировщике торпедоносце «ИЛ-4». Вот, видишь фигурку этого самолета? Мы их нежно называли «Илюшами».

– Деда, а какое звание у тебя было?

– Я был капитаном, детка!

– Когда я была совсем маленькая, то думала, что капитаны могут быть только на флоте и представляла тебя на большом белом пароходе или на паруснике с распущенными парусами типа нашего «Товарища». На фотографиях у тебя такая великолепная белая форма и ты такой молодой и красивый! – Яна улыбнулась, взяла фигурку самолета, повертела в руках, внимательно рассматривая.

– Вот, видишь, – продолжал дедушка, – это кабинка штурмана, то есть моя. А здесь размещались летчик и стрелок. У нас был приказ бомбить вражеские корабли. Мы обнаружили конвой, который уже начал втягиваться в устье реки, направляясь в порт. Мгновенно снизившись до минимальной высоты, наш торпедоносец устремился к одному из транспортов. Фашистские корабли заметили нас и встретили ожесточенным огнем. Вслед ударила и береговая артиллерия. Самолет шел среди шапок разрывов и водяных столбов. Все это выглядело как в страшном сне. Но Ил-4 уже лег на боевой курс, и ничто не могло ему помешать. Поймали цель в центр визира. Спустились ниже и сбросили торпеду. Маневрировать было поздно: вокруг корабли охранения и при развороте вся плоскость машины оказалась бы под прицельным огнем. Самолет пронесся над противником, поливая его свинцом из бортовых пулеметов. Торпеда попала в цель и взорвалась. Транспорт загорелся и стал тонуть. Экипаж лег на курс к своему аэродрому. Однако победа далась нелегко – наш самолет получил серьезные повреждения: пробита

в нескольких местах штурманская кабина, с перебоями работал правый мотор. Ухудшилась и погода – прямо по курсу стояла низкая облачность, пришлось идти в полосе дождя при сильной болтанке. После двух часов полета стал хандрить и левый мотор. Летчик старался дотянуть до дома наикратчайшим путем. Вдруг правый мотор отказал. Торпедоносец начал терять высоту. Вести подбитую машину к нашему аэродрому в таких условиях оказалось невозможным, я, как штурман проложил путь к ближайшей посадочной площадке. До берега дотянуть удалось, но внезапно на нас налетели немецкие штурмовики, завязался воздушный бой. Нас обстреляли, левый мотор окончательно заглох, самолет потерял высоту, и мы резко стали снижаться. В это время на помощь к нам летели и наши «Ястребки», но было уже поздно. Я увидел, что пилот ранен, а вскоре понял, что он не пережил обстрела. Все происходило стремительно, в такие моменты начинаешь соображать очень быстро, очевидно, срабатывает инстинкт самосохранения. Я показал стрелку, что пора прыгать, но он тоже был тяжело ранен и лишь крикнул мне: «Прыгай, Павлуша, живи за нас!»

Дедушкин взгляд стал печальным и задумчивым. Помолчав, он добавил:

– Мы очень дружили. У нас было много совместных боевых вылетов, очень дружный экипаж...

Яна слушала как замороженная.

– Я прыгнул, – грустно продолжал дедушка. – Парашют раскрылся, меня резко дернуло вверх, а потом я начал медленно спускаться. Секунды казались часами. Но это еще не гарантия, что ты останешься жив. Вокруг свистят пули, а немцы, которых мы подбили, тоже спускаются на парашютах. Мы приземляемся в одном квадрате. Очень страшно. В твоём организме происходит что-то странное. Все чувства обостряются, ты слышишь и видишь лучше, появляется какое-то звериное чутье. Одна мысль: действовать по инструкции, главное, не застрять на дереве, быстро освободиться от строп парашюта и бежать от места приземления, чтобы не засекли. Я был штурманом, поэтому хорошо ориентировался. Сразу понял, что нас подбили на нейтральной территории. Вся карта имела у меня в голове, поэтому я точно представлял, где нахожусь и куда надо идти. Пока спускаешься на парашюте, мелькают самые разные мысли: хоть бы не убили, не ранили, долететь бы до земли. В доли секунды перед глазами пролетает вся жизнь: мама, детство, что ты сделал, что еще не успел сделать, но очень хотел. Ты в этот момент понимаешь, что жизнь быстротечна и завтра может не наступить никогда, – дедушка с нежностью посмотрел на Яну. – Ты знаешь, деточка, в такой жуткой ситуации сводит живот от страха, и я не избежал этого ощущения. Но, как оказалось, у фашиста, который спустился на парашюте чуть раньше меня, тоже свело живот, – дед начал улыбаться. – Мы оказались под одним кустом. Немец спохватился раньше меня, и я был в первую минуту оглушен. Но занятия спортом и хорошая подготовка помогли мне сконцентрироваться.

Яна оценивающе посмотрела на деда, вспомнила его фотографии в белой летной капитанской форме и улыбнулась.

– Все, чему бы ты ни учился когда-либо, на каком-то этапе тебе обязательно пригодится. Потому что ничего случайного не бывает. Я занимался рукопашным боем и легкой атлетикой, – продолжал дедушка. – и все мои навыки мнегодились. Я сконцентрировался и начал драться. Немец выхватил кинжал и стал наступать. Я уклонялся от ударов, а потом повалил его. Он целился в меня. Но, очевидно, я был сильнее и смог перехватить его руку и вонзить его же кинжал ему в грудь...

– Ты убил его? – с ужасом и восторгом воскликнула Яна.

– Да, детка. Мне пришлось. Не так просто убить человека. Даже когда это враг. Но выбора не было: если не ты его, то он тебя... Когда стреляешь издали – это одно, а когда вот так, лицом к лицу... Я до сих пор не могу забыть это. Отнять жизнь у другого человека очень тяжело, даже если это враг и ты действуешь в рамках самообороны. Правда была на моей стороне. Немец на нашей земле – чужак, и в его глазах было смятение, поэтому он проиграл. Это не так легко –

убить человека, это не так легко... Меня стошнило. Потом я вытащил кинжал из его груди и обтер от крови, я не мог его оставить, это оружие спасло мне жизнь и стало моим военным трофеем, – улыбнулся дедушка и погладил кинжал по костяной рукоятке. – Умирая, немецкий летчик смотрел в небо, где еще шел воздушный бой. Я закрыл ему глаза и побежал в сторону нашей передовой. Его лицо до сих пор стоит у меня перед глазами.

Дедушка замолчал, а Яна не решалась произнести ни слова и затаив дыхание ждала, что будет дальше. Дед вздохнул, словно сомневаясь, продолжать рассказ или нет.

– Ну а что было дальше? – не выдержала девочка.

– А дальше уже была очень неприятная история. Меня обвинили в том, что я бросил товарищей, что я дезертир, исключили из партии, в общем, грустная ситуация, не хочу о ней вспоминать, тем более она уже не имеет отношения к моему трофею, – вздохнул и горько улыбнулся дедушка. – Но самым жестоким ударом во всем этом было то, что мне запретили летать, и я закончил войну самолетным техником. Это унижительно для летчика, зато благодаря этому я остался жив и дошел до Берлина.

Потом меня, конечно, реабилитировали и предложили восстановиться в партии, но я не захотел. Все это для меня уже не имеет никакого значения. Главное, детка, что у меня есть ты.

Яна прослезилась и обняла дедушку.

– Яся, но это наш секрет, никому, поняла? Я верю тебе. – Павел Романович сказал это мягко, но все же серьезно, и девочка поняла, что он не шутит.

– Деда. Я обещала.

Танцы

Полина Моисеевна накрывала на стол к обеду, когда пришла Яна.

– О, ты, как всегда, вовремя, – улынулась бабушка. – Иди умойся, сполоснись. Вот твой халатик. Я как раз, борщик сварила. А на второе у нас котлеты с жареной картошкой и салат из помидор. Я думаю, твой любимый компот тоже уже остыл. Сейчас проверю в холодильнике.

Обед прошел приятно и спокойно. В присутствии бабушки у бабули словно выросли крылья и она становилась совершенно другим человеком.

– Спасибо, ба, очень вкусно! Я пойду, – Яна спешила домой, – скоро родители вернутся с дачи.

– Скажи маме, пусть приходят ужинать к нам, они же приедут уставшие, – крикнула Полина Моисеевна из кухни, где мыла посуду.

– Хорошо, – уже в дверях ответила Яна.

Выходя из темного подъезда, девушка зажмурилась от яркого солнечного света. Огляделась. Ах, как она любила этот дворик, дворик своего детства! Сколько связано с ним приятных, незабываемых воспоминаний! Маленький, уютный, без каменного снобизма новостроек, где люди едва здороваются при встрече. Здесь все соседи знали друг друга в лицо, по именам и фамилиям, кто в какой квартире живет, когда вселился. Жильцы дома были дружной многонациональной семьей: русские, украинцы и евреи на удивление мирно уживались друг с другом. На площадке всегда играли дети, слышался смех, а на лавочках сидели старушки и бдительно наблюдали за возней ребятишек. Летом двор утопал в зелени и цветах и был особенно красив. Колыхалось на ласковом летнем ветерке висевшее на веревках постельное белье. Слева у каменного забора находилась большая сцена, на крыше которой огромными красными буквами было написано «Слава КПСС!». Здесь в детстве они готовили смешные спектакли и выступали вечером перед жильцами дома. По пятницам ЖЭК проводил собрания во главе с бабушкой, которая была начальником ЖКО. Как правило, весной все соседи выходили на субботник. С раннего утра дружно приводили территорию в порядок, красили беседку, скамейки, столики, качели и турники, сажали деревья и цветы. К лету дворик был полностью готов: зеленый, ухоженный и красивый.

В беседке играли в карты соседские девчонки, они были на год-два старше Яны и знали друг друга с самого детства.

– Яна, привет! – крикнула Наташа Голубева. – Иди к нам!

«Ага. Сейчас! Не очень-то и хотелось»

– Мне надо домой, – ответила девушка, но все же подошла.

– Мы сегодня вечером идем на танцы в «Астру», в Комсомольский парк, пойдешь с нами? – спросила Ольга Свиридова.

– Я не знаю, отпустят ли меня... – промямлила Яна. Пойти очень хотелось.

– А зачем говорить, куда ты идешь? – удивилась Наташка. – Скажи маме, что мы идем в скверик в порту, она тебя отпустит. Вернемся не поздно, ну, не к девяти конечно, – соседка не упустила возможности подколоть Яну.

– Не бойсь, – подмигнула Ольга, – мы тебя, если что, прикроем.

– Хорошо, только переоденусь и вернусь. Я бегом!

Яна быстро привела себя в порядок. Надела ярко-голубой в мелкий цветочек ситцевый сарафан на тонких бретельках и крупные красные бусы. Покрутилась перед зеркалом и улыбнулась. Потом с тоской бросила взгляд на телефон: звонил ли Роберт? «Эх, где же он сейчас?» И вернулась в бабушкин двор.

Девчонки еще сидели в беседке.

– Ну что, пойдём? Все в сборе? – скомандовала Наташка. – Как раз к открытию доберемся.

Погода располагала к пешей прогулке. Солнце уже садилось, отбрасывая на крыши домов и кроны деревьев розовые предзакатные лучи. В воздухе веяло вечерней прохладой. Девчонки с удовольствием решили пройтись до парка пешком, вместо того чтобы трястись в душном троллейбусе.

По дороге Яна встретила своих одноклассников – Юру Трошина, Сережу Орлова и Сашу Погодина.

– Яна, куда это вы такие красивые направляетесь? – с нескрываемым интересом разглядывая девчонок, спросил Саша.

– Мы идем в «Астру».

– Ты разве ходишь на танцы? – удивился Юра.

– Я сегодня первый раз иду, – засмушалась Яна.

– Будь осторожна, там полно всякого сброда, – предостерег Саша. А Сережа добавил на ходу: – Береги себя!

И ребята пошли своей дорогой.

Яна все же чуть-чуть волновалась, это был ее первый поход на танцы, и на душе было немного тревожно.

– Девочки, – окликнула всех Наташа, – хорошо, что мы не в коротких юбках. Я забыла вам рассказать. Меня предупредили, что по танцплощадке бегают какой-то злобный карлик и ищет свою Анжелику.

– Ну прямо как в фильме «Анжелика и король», – пошутила Ольга.

Девчонки рассмеялись.

– Не смейтесь, вы же не спросили, как он ее ищет, – продолжала Наташка.

– Ну и как?

– Он задирает девчонкам юбки...

– Вот сволочь!

Открытая танцевальная площадка находилась в самом центре Комсомольского парка и звучащая там музыка, доносилась до самых отдаленных его уголков. Из-за своей круглой формы, обрамленной решетчатым забором в виде лепестков, она и получила свое название – «Астра».

Вечер был в самом разгаре, танцплощадка вся была заполнена молодежью. На сцене играл ансамбль. Солист, Веня Долгов – местная знаменитость, – пел надрывным голосом:

Почему в семнадцать лет парню ночью не до сна,

Почему в семнадцать лет песня немного грустна?

Плачут гитары, ну что же, пусть,

Если на парня находит грусть...

Девчата с трудом пробивались сквозь толпу танцующих к сцене. Пришлось немного потрудиться, чтобы отвоевать себе свободное место.

Яна смотрела на сцену, слушала музыку и подпевала.

Вдруг кто-то дотронулся до ее плеча. Она повернулась и увидела довольно симпатичного высокого парня, приглашавшего ее на медленный танец. Яна смутилась, но девчонки вытолкнули ее вперед. Не оставалось ничего другого, как согласиться. Яне было немного неловко и хотелось, чтобы песня быстрее закончилась. По окончании танца новоиспеченный знакомый поблагодарил Яну и отвел к девочкам, но не ушел, остался в их компании и начал вместе с остальными бодро двигаться под быструю музыку.

Потом объявили небольшой перерыв, а приставший к ней парень все не отходил и явно пытался познакомиться с Яной поближе. Девчонки хихикали и перешептывались, чем еще больше ее смущали.

И вот снова заиграла музыка. О, это была ее любимая песня «July Morning». Ребята на сцене неплохо исполняли эту композицию.

С первыми гитарными аккордами новый знакомый снова пытался пригласить Яну на танец, но ее взгляд вдруг наткнулся на Роберта. Тот стремительным шагом пробирался к ним, ловко лавируя между танцующими парами, и буквально выдернул Яну за руку из толпы. Краешком глаза она успела заметить, как навязавшийся на ее голову ухажер заморгал удивленно глазами, а потом с возмущением и обидой посмотрел им вслед. Но некогда было думать об этом. Все внимание девушки переключилось на столь внезапно появившегося Роберта. Сердце запрыгало от волнения и какого-то сумасшедшего ликования.

Лицо Роберта было, наоборот, строгим: брови сдвинуты на переносице, взгляд пытливый и, как Яне показалось, немного суровый.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом, даже не поздоровавшись, начали танцевать. Просто рефлексивно обнялись и начали двигаться в такт музыке.

Он шепнул ей на ухо:

– Это моя любимая вещь...

Она ответила заворуженно:

– Нет, это моя любимая вещь!

Роберт посмотрел ей прямо в глаза и сказал очень весомо, как будто приказывал:

– Тогда под эту музыку ты будешь всегда танцевать только со мной!

От этой фразы у Яны побежали мурашки по телу. Роберт нежно обнял ее за талию и прижался лицом к волосам, вдыхая их аромат, а она, закинув руки ему на плечи, прильнула к его груди. Музыка захватила их обоих, и все вокруг закружилось, исчезло и растворилось, как будто бы на всем белом свете были только он и она. И легендарный хит группы «Юрайя Хип».

There I was on a July morning

Looking for love.

With the strength

Of a new day dawning

And the beautiful sun.

Яна расслабилась в объятиях Роберта, закрыла глаза, почувствовав себя абсолютно защищенной, а он, с трепетом ощущая ее тепло и биение сердца, держал девушку бережно и нежно, как хрупкий сосуд, который может разбиться лишь при одном неосторожном движении. Влюбленные почти не двигались, просто раскачивались из стороны в сторону и наслаждались близостью друг друга. Им хотелось, чтобы этот танец не заканчивался никогда. Когда музыка замерла, они все еще стояли обнявшись. И опомнились, лишь когда заиграли другую песню.

– Как ты узнал, что я здесь? – спросила Яна.

– Я и не знал, – ответил Роберт.

– Ты просто пришел сюда? Просто так? – допытывалась она.

– Я почувствовал, – улыбнулся юноша и убрал прядь волос, упавшую Яне на лоб. – Вообще-то тебе здесь не место...

Только он это сказал, как их окружили несколько верзил во главе с тем, который пригласил ее на первый танец.

Роберт скорее рыкнул, чем сказал:

– Кто это решил рискнуть здоровьем?!

Яна почувствовала, как все его мышцы напряглись. В этот момент он напоминал тигра, готовящегося к прыжку. Лицо стало сосредоточенным и каким-то отчужденным, глаза прищурились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.